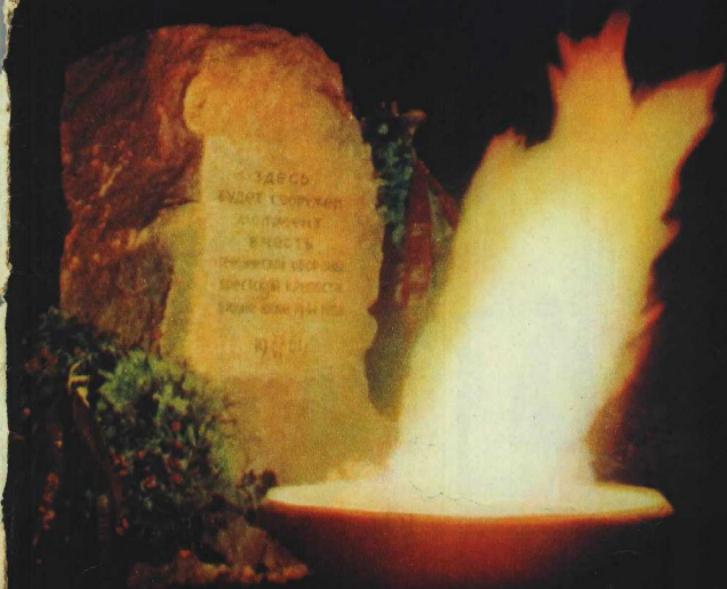

ПАМЯТИ ГЕРОЕВ,
ОТСТОЯВШИХ СВОБОДУ
И НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ
В БОЯХ С ФАШИСТСКОЙ НЕЧИСТЬЮ,
БОРЬБЕ МОЛОДЕЖИ ВСЕХ СТРАН
ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА И ФАШИЗМА
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ НОМЕР

№ 12 (938) ИЮНЬ 1966

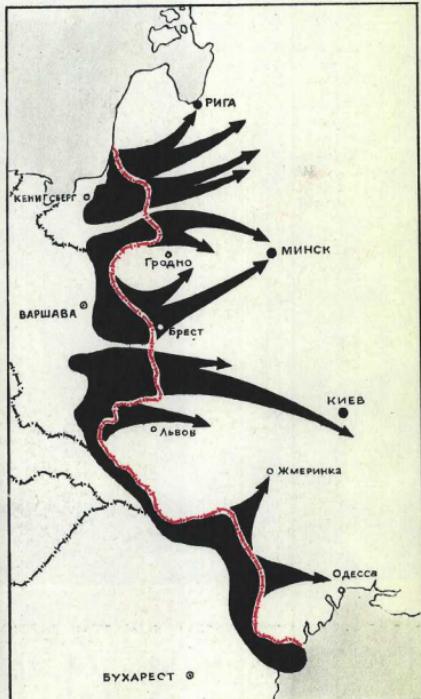
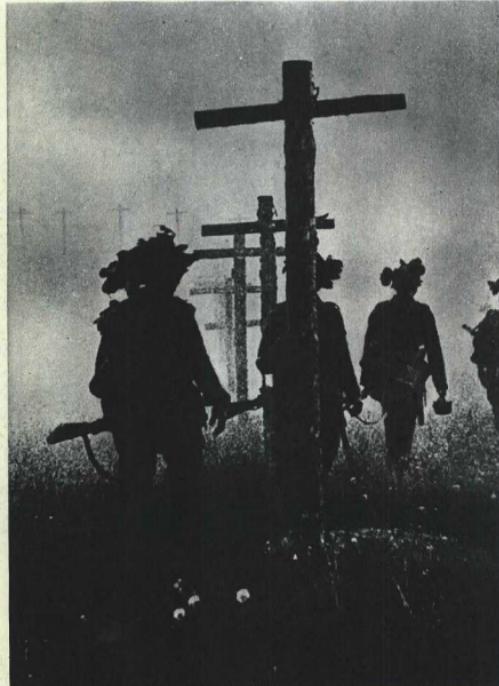
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

смена

«Через месяц минет четверть века с того июньского дня, когда фашистская нечисть напала на нашу страну. За это время в жизни пришло поколение, которое не помнит разрывов бомб, дыма пожарищ, тягот военных лет. Наша страна живет в условиях мира. Но это не должно нас убаюкивать. Международный империализм был и остается коварным и опасным хищником. Это вновь продемонстрировала агрессия США во Вьетнаме».

Л. И. БРЕЖНЕВ. Речь на XV съезде ВЛКСМ

22 июня

дивительно и закономерно: чем дальше в глубь времен уходит события и даты Великой Отечественной войны, тем больше мы о ней думаем и узнаем. Открываются новые и новые факты и подробности, проступают из туман забвения имена и черты людей и подвигов.

«Пишут Вам пионеры 7-й класса Погореловской средней школы. Мы отрядом читали и выучили Вашу поэму о Понире. Вы писали в позме о безусом офицере, который принял огонь на себя. Кто он?

Дело в том, что мы разыскиваем участников Отечественной войны и мы бы хотели знать биографию этого офицера. Вы нам, если сможете, то напишите о нем кратко, а мы по Вашим данным постараемся найти его. С пионерским приветом

7-я класс, станция Понирь, Курской обл.»

Мне очень трудно ответить мальчикам и девочкам из Понирей, ведь не читать же им лекцию о собирательном образе. Я писал эту поэму тогда, когда Понирь находился в эпицентре Курской битвы, и много тогда видел безусых офицеров, которые принимали огонь на себя. А все-таки обидно, что под Кивером и под Берлином стоит один и тот же заплаканных кинжак: может быть, в них были и фамилии того безусого офицера... Разве вернулось по всей стране вдохновение и благородное движение «красных следопытов», отражающее настоятельное требование эпохи — никто не забыт, ничто не забыто.

Бывают чудеса. И безусого офицера все же находят. Умы, чудеса только потому и чудеса, что они исключительны, а не всеобщи. Горе матерей и ощущение счастья неизбывны: время не способно их изгладить.

Некоторые публицисты и операторы склонны осуждать первый послевоенный период как период забвения, чуть ли не эпостола Бориса. Это дело обстоят сложнее: в первые послевоенные годы людям первое было необходимо забыть войну для того, чтобы жить дальше, чтобы совершить подвиг восстановления. Некоторые мои товарищи были настолько отгощены трагической памятью, что не смогли преодолеть некоего барьера, душой остались в полузысыпанных окопах. И это постепенно превращалось в новую трагедию.

Я говорю об этом в плане психологического.

В первые послевоенные годы семьи, потерявшие близких и хранившие надежды на возвращение живых из списков погибших не значились, «пропали без вести», тоже не хотели, да могли разысканные могилы на поле боя. Им казалось: сейчас откроется дверь, войдет любимый и долгожданный...

Но прошло четверть века с двадцать второго июня, и полное совершеннополетие — двадцать один год — отпраздновала Победа.

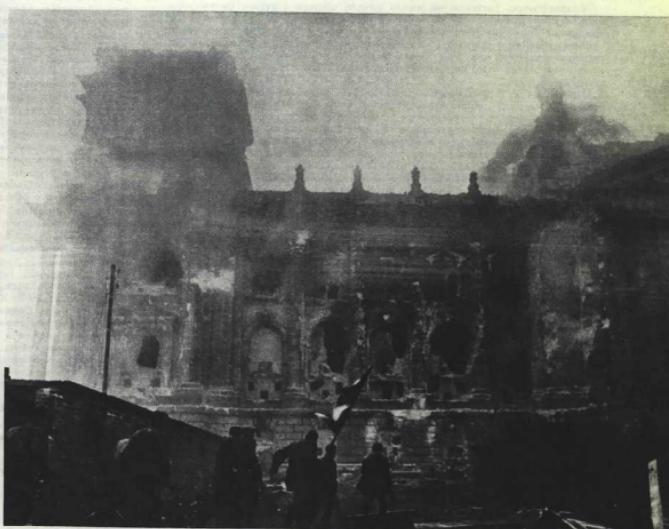
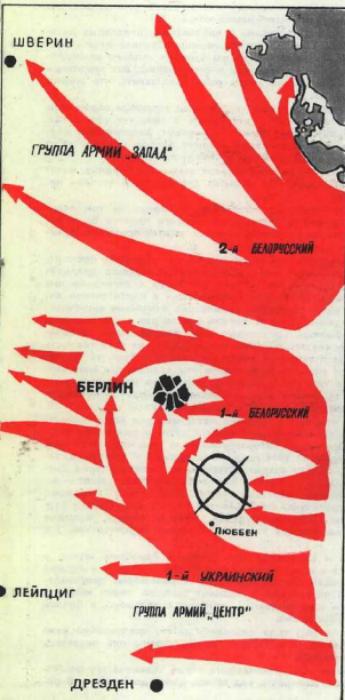
По-видимому, необходимо было вырастить новому поколению, чтобы помнить о войне, простили с новой силой и стала не такой, как была, больной и гниющей, приобрела новые черты.

Празднование двадцатипятилетия Победы было на вспышки славота, а эта полетная пропасть людям всех возрастов, всему народу новое сознание своего исторического достоинства.

Сейчас на конвейере истории большая дата — двадцатипятилетие начала Великой Отечественной.

Дата сурова, ее не встретишь карнавалом. Но отметить ее необходимо,

и при всей ее драматичности она ненебожно и законно останется в веках как начало победы над гитлеровским фашизмом.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

Год издания сорок третий

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Выходит два раза в месяц

12
июнь
1966

зультате войны и разгрома фашизма родились новые свободные и демократические государства, успешно строящие социализм. Наша победа как бы предупредила все темные силы, которые есть на земном шаре,— агрессоров, оставшихся безнаказанными, правда и справедливость сильнее лжи и разбоя.

Но обстановка в мире такова, что ни в коем случае нельзя забывать уроков 1941 года, уроков истории вообще. Неутешающей болью отозвается в наших сердцах Вьетнам. Времена иные, ситуация иная, но есть черты схожести с нашим сорок первым годом: геройзм народа, защищающего и отстаивающего свою свободу и независимость, и бесстыдная, нечеловеческая жестокость агрессоров. И так же, как у гитлеровских фашистов тогда, у американских агрессоров сегодня нет и не может быть героев и реалистов. Где грязь и подлость, где браки и убийство.

Гитлеровские фашисты были разгромлены и раздавлены в мае 1945 года, но бациллы фашизма живучи, и сейчас присутствуют они в атмосфере плачущих.

Я только что вернулся из весеннего Парижа с его цветущими каштанами и цеплюющимися влюблёнными. Я видел битву стен, битву надписей. На постаменте памятника Марата развалилась надпись: «Мир Вьетнаму!». Такие надписи можно встретить в Париже во многих стенах.

И вот мы, поднимаясь в лифте в одно из учреждений, где нам надлежит сфоринти для работы в кинотеатре, бесшумный лифт, белые его двери гладко покрыты эмалевой краской. По краске тоненькой линией — сразу не разглядишь! — выцарапана свастика с надписью «ФАС».

Значит, ездила в этом лифте какая-то пританавшаяся сквоча, трусливой рукой, а все же нацарапала свои зловещие инциалы.

Рано успокаиваться рано благодушествовать!

Тревожные вести приходят из-за окна. Реваншисты хотят воспользоваться из молодых людей Западной Германии волчак, беспредельно задумчивы из прошлого Германской Демократической Республики, против которых сражаются. Есть опасение, что они, эти ослепленные яростью, что не способны они ни взглянуть в прошлое, ни пронести перспективу в будущее. Хорошо, что народы обладают более глубокой памятью, чем выродки и нелюди. Движение сторонников мира стало реальной и могучей силой на земном шаре. Я не раз имел возможность в этом убедиться, путешествуя по многим странам, беседуя с людьми разных профессий, возрастов и разного положения, различных взглядов.

Минимум трезвости достаточен для того, чтобы понять необходимость мирного сосуществования в современных условиях.

Ну, а мы, советские люди, забудем ли мы когда-нибудь двадцать второе июня 1945 года?

Никогда! Мы не имеем на это права ни перед памятью павших, ни перед современниками, ни перед потомками. Наш оптимизм, помогший нам преодолеть тяжелейшие поражения и потери, не может быть легким и бездумным. Он выстрадан, он оплачен кровью, и ему надлежит быть всегда суровым и пристальным.

С этим ощущением встречаем мы стругую дату: двадцать второе июня.

Самая короткая ночь в году...

Николай
ПАНЧЕНКО

Моему комсомольскому бilletu

Так случилось, что не сдавал свой билет: по фронту мотался. Жизнь четвертый берет перевал, а билет у меня осталася

как реликвия — флаг поляка, над которым восходит звезды, как протянутая рука — сквозь нега兹ы, фронт и версты.

Пучегазовы трижды листали меня заглядевшись фото. Как хотите, но это что-то — этих глаз напряженный свет.

В первом боку

Нет, не дипломы, не года, не встреча с женщиной на Трубной...

Нет, юность кончилась тогда, когда я понял: с мамой трудно.

В бою...
Под темно вражьих крыльев...
Над нами смерть висит «рамы»...
Я вдруг подумал, как открыть:
мне хорошо
в бою
без мамы...

Кочет

Я всего лишь уснул — не успел.
Но у Стырь, в самом стрыке
кто-то клонил солдата в высок
и заслонили крылья.

Это — кочет.
С помехой и кончик
много ли видят глаза-каланчи?
Корич кошеч на крышиах и кончик
над плетнем городской каланчи.
А за крылья — города, города
в три раза,
кии солдаты на марше.

Машут рука, и движутся наши,
и в поле пылает звезды!

Я еще ничего не успел,
а меня уж и кончит отстей.
Вскинут гребень и выпучина зоб,
точт клюв и таращится в оба.

Я всего лишь уснул —
не успел:
мы еще разочёмемся до гроба!

Борис
СЛУЖИКОВ

Женщины проводили мужчин: все женщины — всех мужчин, а после сама пошли на защиту родной земли.

А что ж мы делать, как им быть, если надо укрепить фронт? Этого невозможно забыть — инсийских полков и рот.

И вот солдаты тушили связь через кровь и грязь, а санитары давали крови, артисты — играли роль.

И вот партизаны ходили в тылу, а на перекрестье стал регулировщик — с большой косой и с большой душой.

Женщины внесли свой вклад в судьбы этой войны. Об этом самый лучший донлад докладчики сделать должны.

Высоченный,
словно высеченный
из высоты,
словно Петр Великий — высокий,
шеш солдат, и гудели под иконы мосты,
под солдат в ходячной осоке.

И траншей, которые он отрывал,
головы всегда выпирала.
Кашевар не снимал с его щёй навар,
но солдат называлось: мало.

Не хватало конвертов ему: писать
письма
родственникам и знакомым.
Не хватало народу: вымывать
спасать,
а потом
помогать спасенным.

Мини, те, что он в полях заложил,
он свомии же вырыл руками,
а дороги, те, что он пропонки,
еще стоят под грудовиками.

Он долгого мая поражные встал,
принимая ордена, а медали
прикопал
и за пивом в очередь встал.
Вспоминает года и дни,

вспоминает бои в родной стороне
и бои на чужой планете.
Догадывается,
как победить на войне,
понимает он все на свете.

Это избежали
маршан и рядовой:
плених не обижали,
даче на передовой.

Не отставали за Гимназера
ваши пленники эра
и за то, что вымерли
наши у вас лагеря.

Я не скажу сколько,
вам говорю:
камеры ваши
газовые
не чеху сухарю
черному,
что делили
пленихами мы из пака.
Нет, не переводили
с немецкого языка.

В этот лодской мясорубке
каждый из нас прыгает,
каждый для нас — душегубки,
мы — вошебойки для вас.

Формулу эту простую
я с юности берегу.
За каждую запятую
в ней
отвечать могу.

Алексей
ЛЕОНТЬЕВ

Бранденбургские ворота

Высокий пущечный лафет.
И Бранденбургские ворота.
Читай стих!
Чтый, поэт!
Остановилась третья рота.
Весь полк стоят.

И впереди
сам генерал поставил «килики».
И все мы мало проходили,
вокруг лафет становился.
Как он читал! С сам себе
не отыскал бы он сравней!
Бойцы забыли про обед,
и про усталость, и ранены.
Потом качали. И поэт
уступил взглянуло во время залета:
внизу был маленький лафет
и Бранденбургские ворота!

1945 год

Мы убивали. И штыки
о землю вытирали.
А летом ночи копали,
и воздух свежий призвал.
Каждый из этих звезд,
от каждой травки под ногами!
Ведь скоро третий сенокос —
как мы из дома отыкаем!
Как на пути к передовой
еще от страху сердце синяло,
а после первых штыков
ускользнуло, не удалялось...
Но и стоит русская земля
в огне неслыханной тревоги.
Брага убийца в штабеле
сложили мы, убра с дороги.
Не к милосердию взывать,
когда они за все в ответе,
они учили убивать,
и мы учились жить на свете!

1943 год.

Ашот
ГРАШОВ

Молчан цветут
из земли в землю.
И соловьи поют,
и маковники звят.
Голуби щурят зерно
на месте былых пепелищ.
Голубям все равно —
полет и написки...
Железо. Огонь. Эоза.

И самолеты вой,
и пыль позабыла земля,
все заросло травой.
Но я не трава и не зверь.
Я рад приходу весны,
но помине мору потери,
помине запахи войны.

Перевод Станислав КУНЯЕВ

Григорий
КУРЕНЕВ

Арбуз

(ОСЕНЬ 1939 года)

Я ем арбуз.
Не торопясь.
Степенно.
Из той еды
события

не делая...

А было так,
Мы жили на стипендию,
которой нам хватало

на неделю.

Тогда мы
арбобинами ночами
зубрими
интеграми и ряды,
увешивали мечки

значками,

головные —
по зону —
стать в ряды.
От молодости,
от недосыпания
худые,
знали мы:
нас дело ждет!

Ведь в общежитии у нас

Испания,

еще не побежденная,

живет.

Еще она
надеется
на чудо,
еще она
всплазла

тут почнет,
планшет с Мадридом
спрятав в головах.
А мы —
мы тоже

даже кожей
чумом,
что скоро нам
в своем вступать права.
Мы чумы,
чумы:

где-то рядом,

близко,

хоть все еще приметы

не видны.

А спасибо-курники

зимой

падут

на финской —

жестокой

репетиции войны.

Раскрыты створки бомблонков,
Мир — и флаги засыхают,
Но в нас, как огнилась выгода,
Зенитный угодил снаряд.

И, как со смертного уступа,
Стропоне парашют прямая,
Простреленный скимкал купол,
Низвергся к Висле я стремглав.

Еще скорей! За сражение!
Нет, никому и мутному паску!
И пусть разбиться, но на нашем,
Чем жить на вражьем берегу.

Я в Висле, Рамен. Свали стропы,
Не выбрыться уши никак.
И обречены...

Но из окопа

Ко мне бросается поляк.

Рука его мгновенно виснет,
В ее ножом осколок врос.

До той зимы,
до той войны
еще полгода.

А в Харькове —
арбузная погода.
Сентябрь осень,
а деньги

почти что летние,

и по утрам

мы ходим

не на лекции.

Всей компанией —

хозяи,

испанцы,

руссино —

с утра пораньше

мы уходим

в грузчики.

Поденщикам

веселая бригада,

мы кинемся себе

интербригадой.

И, ставши от вагона к складу

целью,

мы

словно бы огонь

ведем

по целям.

Зарядами,

нарядами

и минами

нам кающихся

арбузов эти мирные.

Они плывут,

как ведра

на пожаре,

они плывут

планшетами,

пожалуй,

а мы,

такие ловкие,

горластые,

швырем

полосатые

галактики.

Мы сами

расчитали их орбиты.

А поздним вечером —
конец работы.
И мы спешим
не к девочкам на танцы,
а в «Либо-воды»
возле самой станции.
И спрысываем
денегами арбузные
и другие запотевших
в зелени бусников.
Пьяны медленно,
как грушки

всамедленные,

ведь мы теперь —

до завтра —

очень денежные...

На танцплощадке

саксофон беснуется,

а нас

подкараулила

бессонница,

и в комнате

[двенадцати узких коеч]

храп

этой ночью

тишины

не колет.

Усталости

но в силах покориться,

мы дремлем

чуккой дремой

полноводцев,

хоть нам еще

до подвигов великих

таскать-таскать

арбузные вориги.

О если бы мы нас,

тогдаников,

поняли...

Арбузы плывут

планеты

по небу...

Ах, доверный тот арбуз,—

зеленая планета.

А я

ответить не берусь,

когда я

стая поэтом.

* * *

В.Л. Лукофский

Путь друга
зеленое листо,
а тебе,
солдат,
не суждено
в поле,

за Двиной,
напеченный
долбана

войной.

Старый друг
дороге новых двух,
да судьбы берешь.

Планета зеленое листо —

я со всеми

вышли звонко.

Вот кому-то

налили штрафную,

захмелевшие мышка

ревиуют,

только я один

среди друзей

пью.

за двух

и трезвого трезвей.

Выплю,

захлебнись,

комаю салфетку,

вспомниво

книжку

разведку.

Сотуя

мочало

папирюс.

Воку,

что сейчас

пойдут расспросы.

Старые

иль новые

друзья,—

радость людям

отправить нельзя.

Подымайся,

как в штаны,

в рост.

Предлагаю

тост.

Борис
ДУБРОВИН

Конфедератка

В душе нестерпкий, величавый
Сорок Четвертый... Я — пилот,
Навис над Вислой, над Бараньей
Заканчивал разворот.

Он на границе смерти и жизни
Меня, покачиваясь, нес.

И тело, чувствуя, обмяло,
Уже не различа я,
Где кровь моя, где кровь поляка,
Где было его, где было моя...

А он идет, ступает шатко,
Близки береговые рвы.
Но падает конфедератка
Вслед за пилотом с головы...

И синится мне,
Как будто гордо
Она уже который год
С пилоткою
Сквозь сны сквозь годы,
Сквозь смерть,
Сквозь жизнь мою
Плымет.

В канцелярии заставы

Доклада отчеканенная фразы
И к карте мира подступив в упор,
Вошел за получением приказа
Он перед тем, как выступил в дозор.

И замолчал солдат вооруженный
[У командира поварской делал],
И на Европу тень от напошона
И тень от плеч на Африку легла.

А плащ-плащта так широкопыль —
Ее отбросил за спину, назад.
И Южную Америку прикрыла
Тень от руки, сномавшей приклад.
Сейчас он в ночь глухую зашагает,
Захлопнет дверь. Порвается света нить.
На карте ни на что не посияет,
Хоть Земля всю
Себя готов прикрыть.

ПАТРИОТАМИ БЫТЬ ОБЯЗАНЫ

В ДНИ, КОГДА ГОТОВИЛСЯ
ЭТЫЙ НОМЕР,
В МОСКВЕ РАБОТАЛ
ХV СЪЕЗД ВЛКСМ.
СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «СМЕНЫ»
ПОПРОСИЛИ НЕСКОЛЬКИХ ДЕЛЕГАТОВ СЪЕЗДА
ПОДЕЛиться СВОИМИ СООБРАЖЕНИЯМИ
О ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ НА РЕВОЛЮЦИОННЫХ,
БОЕВЫХ,
ТРУДОВЫХ ТРАДИЦИЯХ
СОВЕТСКОГО НАРОДА.
ВЕДЬ ЭТИМ ВОПРОСАМ
СЪЕЗД УДЕЛИЛ НЕМАЛО ВНИМАНИЯ.
ЕСТЕСТВЕННО, ЧТО, ОТВЕЧАЯ НА ВОПРОСЫ
НАШИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ,
ДЕЛЕГАТЫ ГОВОРИЛИ И О ТОМ,
ЧТО БЫЛО ГЕНЕРАЛЬНОЙ ТЕМОЙ
КОМСОМОЛЬСКОГО ФОРУМА: О МЕСТЕ МОЛОДЕЖИ
В ВЫПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ
XXIII СЪЕЗДА КПСС.

Арсен ВАНИЦКИЙ,
секретарь ЦК ЛКСМ
Белоруссии

Мы видим свою основную задачу в том, чтобы помочь им в борьбе старшего поколения за коммунизм был ненциклическим источником идеальной убежденности, патриотизма, гражданственности молодого поколения.

Мы прекрасно понимаем, что наши малыши и девчонки продолжают великое дело построения коммунистического общества, начиная его, ведь мы не гарантируем от того, что кем-то из врагов нашего строя еще захочется прорвать советскую оборону. И для того, чтобы в грозный час могли встать сотни тысяч Гастелло, Смальчиковых, Заслоновых, Горбуновых и многих-многих других героев, мы обязаны всеми силами поддерживать борьбу за умы и сердца тех, кто сегодня вступает в жизнь. С раннего возраста ребенок должен осознать, почему вчерашний браток взял в руки винтовку и сбросил старую власть, понять величину и смысл подвига россова. Мы должны вспомнить его там, где ему хотелось быть похожим на незабываемых народных геро-

ев, повторить, в если надо и воззвать ратные дела своего народа. Особое внимание комсомольские работники должны уделять школьникам. В школах, на мой взгляд, должна вестись основная военно-патриотическая работа.

Нам кажется, что залог успеха в воспитании идеальной убежденности, социальной ответственности лежит в историческом, осмысленном подходе к самой этой задаче. Одними разговорами о патриотизме нельзя добиться воспитательного воздействия. Нужно, чтобы молодежь была в постоянном самостоятельном поиске, встречалась, беседовала с участниками Великой Отечественной войны, по крупицам исследовала малоизвестные факты героизма, собирала документы, находила боевые реликвии, восстанавливала партизанские землянки, превращая их в своеобразный музей-памятника.

Подобные дела выражают собственные специфику и глубину. Мне хочется привести характерный случай.

На одной из улиц Минска на постаменте стоит танк Героя Советского Союза капитана Фроловика. Это стальная машина первой ворвалась в белорусскую столицу, крушит немецко-фашистских захватчиков. В один из праздничных дней один из юношей, прогуливаясь, подошел к танку, восторженно рассматривая танк. А потом, достав из кармана тряпочку, взобрался на постамент и начал притирать потускневший металлический памятник. Установить им паренька не удалось, да и не в этом суть дела. Такой перимент не одну книгу о войне и боях, такому наверняка захочется быть похожим на тех, кто первым принес в Минск долгожданную победу.

После VIII пленума Центрального Комитета ВЛКСМ мы усилили работу по воспитанию молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа.

Мы определили три основных направления. Первое — это воспитание у молодежи идеальной убежденности, приверженности марксистско-ленинизму. Второе — раскрытие и яркий показ героизма нашего народа, комсомола на всех этапах строительства Советского государства. Третье — подготовка волевых, физически крепких людей, патриотов Родины.

К нам на помощь в этом благородном деле приходят тысячи различных специалистов. Большое значение имеет и народное творчество. Достаточно сказать, что за последние три года мастерские Художественного фонда республики выполняют в основном комсомольские заказы. Группы молодых скульпторов, в которой мне особенно хочется отметить А. Анискияна, Г. Муромцева, Н. Рыжикова, В. Альчико и других, хорошо поработали над созданием обелисков и памятников героям Белорусского народа.

9 мая нынешнего года, в день праздника Победы, по всей республике начались закладки символических курганов Бессмертия. Например, в городе Лида на закладку вышли все его жители. К памятнику курган не добавили земли не только из всех героницких районов Белоруссии, но и из всех городов-героев нашей Родины. Думается, что это хороший способ формирования чувства военно-патриотического долга. Но, разумеется, нам предстоит еще немало найти и применить действенные формы воспитания молодежи на боевых традициях. Впереди много работы. Мы уверены, что воспитаем нашу молодежь в духе беззаветной преданности Родине, коммунизму.

Николай ЕМЕЛЬЯНОВ,
敬畏

ВОПРОС:

Расскажите, пожалуйста, о себе, о своей службе...

ОТВЕТ:

Ну что, я о себе могу рассказать? Биография у меня ничем не примечательная. Родился в 1945 году в Ульяновске, прожил там все детство и юность, школу окончил и вот в 64-м ушел на службу в армию. Семья наша — военные погибли. Емельяновы всегда на Волге работали, капитанами и штурманами. И братя мои, и тоже будут. Дед мой, Алексей Алексеевич, воевал в гражданскую вместе с Гаем, был одним из создателей легендарной Железной дивизии, освободившей Самару и Симбирск от белогвардейцев.

И я в этой дивизии служу. 24-я Самаро-Ульяновская Бердичевская дивизия Краснознаменной ордена Суворова и Богдана Хмельницкого Железнодорожников. Перед отъездом на военную службу собирались мы все, пришедшие из Ульяновска на митинг. Обещали, земляки, верно и честно, не жалеть всех своих сил, а если понадобится, то и жизни. Я тоже там выступил, дал слово как можно быстрее освоить воинскую специальность.

Приехал в часть, повесил на нас новобранцев, первым делом в комитате. Всех учеников, кроме первого курса старшего сержанта, забрали на ремонтного дела висит. И смотрят на меня, словно раздумывают: что на это, мал, внуку мой способен, на него не вадумает ли за мою спину прятаться?

Словово старалась я очень. Сдал в тот же год экзамен по «классности». Стал спецнавигистом третьего класса. А второго года я уже на первом курсе открытия ХХIII школы. В прошлом году в отпуске я родной земли. Вернулся из отпуска, избрали меня секретарем комсомольской организации взвода. Ребята у нас во взводе очень хороши. Все настоящие солдаты и настоящие патроты. Но они жаждут запомнить я один разговор, как гордиться тем, что СССР — мы как-то все вместе. Говорили о съезде партии, о событиях в мире, о том, что американские империалисты хотят покорить свободный вьетнамский народ. И тут все мы решили, что если потребуется — пойдем во Вьетнам добровольцами. Так потому, что мы командовали: весь взвод готов выполнить свой интернациональный долг.

За полтора года службы в армии мы многое поняли и многому научились. Самое главное — это отношение к жизни, ко всему, что происходит вокруг. Мальчишкой в школе над какой-нибудь пустяковой задачкой бывшая целины урок, и никак она у тебя не получается. А тут «задачка

гораздо сложнее, и решать их нужно в считанные секунды. Ты солдат, у тебя в руках грозное оружие, о котором ты не мог, а за тебе стоит вся огромная страна. Представляете,ответственность какая!

ВОПРОС:

Что в решениях съезда ВЛКСМ взволновало вас лично больше всего?

ОТВЕТ:

Съезд внес в Устав ВЛКСМ дополнение о том, что каждый комсомолец имеет право быть членом Вооруженных Сил СССР, а также военным. Это замечательные слова. Наша частично уже шефствует над школами, техникумом. А сейчас мы будем разывать свои связи, будем помогать молодежи готовиться к воинской службе. Вот об этом я и думаю прежде всего: поговорить с ребятами, и надеюсь, что они меня послушают. Ведь скоро юбилей: 28 июня Железнодорожники будут праздновать свой день рождения — 48-й годовщину со дня основания. Приезжайте к нам в гости, увидите, что значат слова «вьетнамских будни».

Алиса АЛЕКСАНДРОВА,
учительница
средней школы № 12,
город Алексин, Тульской области

Алиса Николаевна Александрова, учительница средней школы № 12, город Алексин, Тульской области

В своих руках судьбы почти сорока будущих советских граждан, какими растите вы их, какими хотите видеть их?

Воспитание гражданства, патриотизма своей страны — это не просто и не однократно делается. Мы, учителя начальной школы, делаем главное: вкладываем в учеников самые первые, а потому самые яркие и запоминающиеся на всю жизнь понятия — Родина, семья, революция, мир. Разве в этом нет радости, забегает, как шли мы по пыльной Алексинской улице, из Октябрьских праздников, и ребята впервые удавили, что сделано в городе за годы Советской власти? Мы встречали стариков, говорили с родителями, видели, как строятся дома для рабочих. Очень помогло мне то, что в ХХ съезде комсомола я работала учителем говорящего метода, добровольному, здравоохранению. Но в этот же дунце наши отклики слова Л. И. Брежнева:

«Каждому молодому человеку мы должны дать понимание общих целей нашей революции, помочь определить конкретное место в ее решении, способствовать преобразованию мира. Это невозможно сделать в одной мере, но приобщить молодежь к славным революционным традициям старших поколений».

Как казалось, что эти слова скажены прямо для меня, для нас, учительницы?

Как осуществляете вы на практике продолжение революционных традиций и воспитание патриотизма у ребят?

— В начальной школе нужно заложить в ребят признание перед героями. Именно теперь они должны уметь Землянке и о Котовском, о Чапаеве, о Красном, о Красной армии, о Александре Матросове. Это много рассказывала ребятам об этих замечательных людях. Мне хотелось, чтобы не всю жизнь запомнили они таких героев нашей революции, как Дзержинский, запомнили так, чтобы, когда приехали в Москву, пришли к его памятнику, а у Кремлевской стены заслонили лицо руками.

И все, что я отдала моим ученикам — я в этом уже не раз убеждалась — делает их активными, сознательными и думающими. Вот хотя бы такой был случай. Собрались мы в классе после канука. «Кто мне скажет, что нового произошло в стране, кто лучше знает о жизни страны?» У ребят. И тут же целик лес Родион. И все нетерпеливо старались спереди друг друга, загораживали: «Видели третий съезд партии?» И мой «второклассник» объяснял мне, что «съезд» — это когда «лучшие коммунисты съехались и решают главные вопросы страны». А я им рассказала о тех, кто погиб в годы войны, о тех, кто это сделал, кто хороши, кто плохи. Что дома они добрые папы. Потом всем, с этого можно начинать закладывать в ребятах основы морального кодекса строителя коммунизма...

И недаром моя «вьетнамка» теперь, если сами не прочтала в «Пионерской правде», обязательно распространяет среди родителей о войне во Вьетнаме. А народу рассказывают мне и своим товарищам.

У нас в классе стенд, на котором вывешиваются фотографии и материалы об этой жестокой войне. Наш «Светлячок» знает и следит за особым движением в странах Африки и Латинской Америки.

Ребята хорошо знают и помнят героя Великой Отечественной войны, героя борьбы с фашизмом. Для меня самого это очень важно. Педагогам ученикам слова я говорю: «Помните! Помните героев, павших в боях за нашу Родину. Сто, двести лет пройдет, мы, учителя, должны первыми сказать о них, наших героях, нашим ученикам.

Учеников должно быть святое чувство почитания к достояниям нашей культуры. Накануне Дня Победы я при myself想起了班主任的话: из шестого «А» Твери они наши шефы, но не две года назад они были моими выпускниками. «Нам поручили приготовить вечер на братскую могилу защитников Алексина. Мы решили сделать его и второго класса. «Светлячок» и «Солнце» — это наши группы. К сожалению, учебная программа не предусматривает подготовки к празднику. Цветы ребята делали на уроке, и какую чувствовали ответственность: ведь надо было получить за них отметки!

Говорилось прошлое восхождение на вершину к братской могиле. Ребята стояли у вечного огня, который горит на могиле. Они знали, что и сейчас воины Советской Армии сражаются и защищают их, поэтому они спокойно учятся и радуются жизни. И еще они знают, что они будущие воины, будущие наши защитники.

С того момента, когда я слушала о Советской Армии о ее славных подвигах и воинах ее, в классе было както особенно торжественно. И когда я спросила у ребят: «Кто из вас будет защищать Родину?» — они все встали. Я не просила их вставать или поднимать руку. Это был единий порыв.

Anatolij SOKOL,
машинист
угольного конвейера,
город Донецк

ВОПРОС:

Каковы ваши впечатления от съезда вот сейчас, как говорится, по живому?

ОТВЕТ:

Съезд комсомола для нас, dele-gatos, был не только праздником, но и работой. Мы обсуждали эти проблемы, на первой политической важности которых, которые вытекают из съезда ХХIII съезда комсомола. Если говорить о впечатлениях, сладко, то мне кажется знаменательным, что съезд комсомола страны проходил в том же зале, что и партийный съезд. Мы видим, можно сказать, след в след. Основную нашу задачу в общих чертах я понимаю так: делать все, чтобы еще больше укрепить наше экономическое might. Отсюда вытекают и воспитательные задачи: труд и воспитание наследственности.

ВОПРОС:

Как вы оцениваете прием, который оказали делегаты съезда посланцу германского Вьетнама?

ОТВЕТ:

Как может оценить это первень, у которого под ногами — 42-м шагом пали в боях близкие, родные люди? Хотите русские войны — спорьте, а мы утишились, — так в песне поется, но Отечественная война взяла 20 миллионов жизней, и мы видим, что мир во всем мире и в том же Вьетнаме надо охранять с оружием в руках. Я приветствовал вьетнамских по-сланцев вместе со всеми. Они наши товарищи. А товарищ всегда подставляет плечо товарищу.

ВОПРОС:

Разрешите задать вам последний вопрос. Каковы ваши конкретные послесъездовские планы?

ОТВЕТ:

Съезд дал нам новый заряд той энергии, которая поможет сделать наше планирование реальностью. По первым, по первым, мы должны на новую экономическую систему. Мы хотим ее хоронить. Помимо, было, заявлено в широке какие-то моторы, влеве-бронированные стойки, никто не считал, сколько стоит это добро. А теперь это все наши колпаки и подход иной, хозяйственной. За первые месяцы работы, стави еще вспасли, перед съездом комсомола решили: сверх плана 2 тысячи тонн угольных дяди, а дяди это около 3 тысяч. В общем, с душой поработали!

У меня лично еще во время приветствия забытыми студенческими — а воинами — я сказал: «Приходите на горного инженера, так что дадут только управлыша!»

Время-то идет быстро! У меня уже сын школьник. Пойдет год-другой, и мы станем на «одной струе», как я стоял на «одной струе» с погибшим за нашу власть отцом.

Франц ФЮМАН
(ГДР)

Бедствия Нibelунгов

Уложены штабелем грубым,
Чтобы вонь не доходила до члеников,
Черные, вишневые трубы
чернили, красные под снегом.
Гинома, темная масса,
обжигавшая воронью,
выхвачивавшими мисо
и снег, что тает на нем.

А где их родные дали?
Там, где солнце золото.
Что они здесь не видали?
Они за князей пошли.
Их юноши их вели, обещая,
что будет любой награджен,
и вот их клябница — Дон.
Земные мосты взорваны,
в полете Былинко нет,
внесенные ветром мозами
переворачивают их след.
С верности, славе, части
развеяны ветром слова;
и ничего, кроме мести,
не остается для вас.
Слова, словеса, витязи...
Искинки запасы лини.

Степан ФЛЮКОВСКИЙ
(Польша)

Надение Мадрида

Танки фланги въезжают в
Мадрид.
— Горе побежденным! —
несется с площадей,
а в цокоте высоких макропанских
лошадей,
в гротох города пески горят!
Над тысячами голов, над тысячами рук
эхо по параболе мечется,
волы, изогнутый, словно лук,
песни-волы — пожар месяца.

Танки фланги к Мадриду катят
по согнувшейся от работы
спине местной; на
по изогнутым надоням
моего отца
пылых солдатам
на взмыленных жеребцах.
Горе побежденным!
На руки.

НАОМИ ЛОНГ МЭДЖЕКТ,
негритянская поэтесса (США)

В шуты

Я спокойно прошла по пути к
свободе,
Что назад нельзя повернуть.
Я уже перешла со своей тропинки
На общую тропинку
Дороги дни, друг друга светлее,
Я расту, я крачну, я зрею,
Я еще покину что, чтобы сею сено,
Я сумею волю вздохнуть.
Я была рабыней и песни пела,
И песен тех нет густостей.
Но от голода, холода и побоев
Стала только сильней.
Вы меня презирал, вы меня
личиневали,

А ваши дела — убийство,
убийчество, грабежи,
верши крест и Вагаллы,
вы начиняли разино,
а тех, кто с вами шагали,
вы предавали огню.

Отменное описание страны —
небесные воды.
О Нibelунги, тираны,
днички эля и бодры!
Вызванные ваши главы
из мифов, преданий, книг.
Убийцы не имеют словы.
Люди забудут о них.

Срастоятся руны пуга,
сплатя зеленест лес,
сиреново пахнет скругата,
а запах крови исчез.
Народы дышать начинают,
убийцы скорели дотла,
и гром голосов прокиняют
Нibelунгов дева.

Перевод с немецкого
Борис СЛУЦКИЙ.

простертую передо мной,
бомбы ухнули —
черные капли с кондоров Гитлера,
в севильский полуденный зной,
в студеные бискайские утра...
Но вот он возвращается,
настичный ритм,—
и снова над Мадридом песни
горят.

Танки-быки на окровавленной
арене...
— с дувалом наведенным...
столпотворением...
Горе!...
побежденными!

В гопугой пурпуре небес,
в звездных архипелагах
терпеливый торадор
над черной Испанией
идет с национальной шагой.

Перевод с польского
Асар ЭППЕЛЬ

Вы мне в свободе моей отказали,
Но завтра придет, и вы едва ли
Обойдется без друзей моих.
Я видела утренним зарю
И в свету с тех пор стремлюсь,
Я слышала клыки щиты до конца
И террор ее наимусть.

Помогайте мне на моем пути
И мешайте мне на моем пути,
Я вижу склон для впереди
И не остановлюсь.

Перевод с английского
Андрей СЕРГЕЕВ.

Васька

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «ОБЕЛИСК»

землянике кто-то настойчиво крутила одни и ту же плоды-карлики, и Утесов довolenным голосом пел: «В этот вечер в танце карнавала я руки своей коснулся зарут...»

Как ни странно, но именно с этой молодой умницей, развлекавшей в Бендерах пехоту и элитные командиры,

Мария узнала, что говорили на последних днях перед прогремевшим блокады. Как услыхала, что гусары, гайдуки, что толком ничего не знали. Но по тому, что прибывали и прибывали войска, и все больше морская пехота, переброшенная с Тихого океана; и по тому, что им запретили стрелять по «рамам», даже когда они летали нахалько низко, — чтобы не обнаживать своих позиций; и по тому, что моряки-разведчики каждую ночь лазали на тот берег, а капитан Белогус отмечал на карте новые отмечные точки врага, — по всему по этому было ясно: скоро И уже невмоготу становилось ждать.

Стола очень колдуняла. Говорил, тем, как, катя в развалы, моряки гробили виноградники и крутили старинной патефон с единственной пластинкой. Потом он достался нам в наследство. Они жили какой-то особенной жизнью, неподхожей на нашу. И у них были свои приметы. Одни моряки попросили у меня птицы. Это был очень красивый немецкий птицы, похожий на кинжал, его подарили мне Васька Зинченко, и птицы был мне дорож. Но я отдал его моряку, потому что он шел на тот берег, и он сказал: «Беру в долг, когда возвращаюсь, — значит, я должен вернуться». С моим птицем он ходил на сторону трижды и трижды возвращался. Приметы были тоже.

А где, чует, у них слегат командиры, мы даже не догадывались? Он был лейтенантом и командирам разведки с первого дня войны. Днем он видел отлично и, говорит, здорово дрался. А ночью слаб. Результат тяжелой контузии. Но моряки держали его в секрете даже от своего начальства. Лейтенант был добрым, храбрым и честным парнем, ребята его любили, и еще они сказывали, что вместе него приятнее какого-нибудь содранка. Ночько они уходили все вместе, кто-нибудь вел, а кто-нибудь рулит. И вдруг вспомнили, что у него есть жена, которая находилась за тысячу километров отсюда. Когда возвращались, заходили за ним, и по голосам он угадывал. Но такие никого не пойдет в развалы. Васька Зинченко несколько раз лазал с ними на тот берег — управлялся, и они его брали... и все это видел собственными глазами. «Артиллерия, не трепать языками!» — предупредил его моряки, и он ответил: «Могилы!» — и только нам рассказала.

Васька был человеком.

Потом он приехал. Как всегда, велен и в том же духе. Сначала крутился на скамье, потом на стульях, когда наставляло затинье. Он не умел спать без работы. Его брали с собой разведчики, то саперы, то с обычной пехотной частью он уходил в бой. Капитан Белогус не знал об этом, иначе Васька ему было плохо. В тот раз он ушел с минерами. Было это под вечер, в дождь... — стояла осень сорок третьего года. Ребята пошли воровать чужие миные поля и ставить их себе. У нас не хватало мины. Немцы потос возумышляли, даже кричали в рупор: «Рус — вор!» — а сами чуть не укрыли у нас «эмкаси». Он стоял на пригорке и было хорошо замаскирован. А пурпурные усы, да и весь облик, да и весь утюжок, да и вся одежда, да и вся обувь, да и вся парикмахировка — все это было маскировкой. Только заметил автф, который молча уходил винта. Си так возумышляли самим фактом кражи, что забыл про войну, про страшлы, про смерть и вообще про все на свете. Всюю на ноги, в полный рост, истощно закричал: «Ребята, пумеут сперли!» — и кинулся за ним. Потом еще сцены стуки бутылок, никак он мог успокояться. Так же же напрасно кричал «Рус — вор!» Мин-то на нас действительне не было!

Не знаю, что там и как случилось, и почему Васька Зинченко осталась на излучине реки, и почему вдруг был обнаружен обе ноги. Он хотел жить, — может, поэтому не потерял сознание. Приподнял он ногу, уронил на один из кулачков. Губы у него были синие, он потерял много крови, и еще от голубушки. Когда он поднялся, хватал губами голубушку. Как раз в это время началась сильный бой, и мы не могли подойти к Ваське. С ним была Валя Колина, и он ей сказал: «Кончилась война, Валенушка!» До медсанбата, если например, через час, было три километра. Валя несла его на руках, как ребенка, но достичь не сумела. Она была медсестрой, и при ее чайке, чем при любом из нас, умирала ребята. Валя сказала им, что первым ее убил автф.

У него в Коломене жила мать. Я написала ей письмо от имени батареи. Мне почему-то всегда доставалось писать такие письма. А подробности мы от нее скрыли. Я знаю, что многие люди, потерявшие на войне близких, представляют себе их смерть красной и обязательно легкой. И пусть представляют, им от этого легче.

Я совершенно не помню, как он выглядел. Прошло как-никак двадцать лет, а Васька был также подвижным и меланхоличным в глазах, как и тогда. Но теперь скажу, что он был герой, но не герой, так что не смыть его из головы. Вообще-то он был человеком без берегов. Так называла его Елена. Васька служил в армии начальством с зигзагами. Сначала он был поваром

ЗИНЧЕНКО

для начистоты, потому что это натяжка и уже на третий день сложубы драчилась через весь лагерь на гауптштадт, искала себе полосатый матрас. У нас на глубине ходили со своими матрдами. Когда его разжаловали, выяснилось, что по профессии он телеграфист и даже пишет альбом Беда. А в пользу каких не было начальника военно-технической станции. Называлась Василья, хотя он был сержантом, а должность офицерская. По должностям ему выдали кобуру, но пистолет по званию положено не было. И Василья пополз мечтами о своем будущем, в которой лежала масленица. А потому начальство было и не добилось, чтобы он вернулся в лагерь, а он спешно свалился с Зинченко на цыпляк агве недалеко. Когда си вернулся, то был пропал из глаз. Соговаривали, что его командром сказался хитрый лейтенант, с которым Василья побывал на ладье. А будто однажды они взяли сразу трех языков, одному сдал в штаб, а двоим припрятал. И неделя ждала, как на курорте. Появился он на задание, а они в ладъ, адату кутяту до своей земли и спать. Стоялось, отправят в ладъ, штаб одному из припрятанных — спать курорта. На вторую неделю Василья, конечно, «сыре» превратился. Он никому не нужен, а в ладъ, спать, а просыпаться лейтенанту морю. Того — и господина в Василье звали «сыре». Но тут же приехал старший беломус — Так Василья подавал, вину расплатил. И пришел к нему к берегу, на берегу, на берегу, как всплыла. Батя их сказала: «Ху, мы ходим, вину расплатил». И пришел к нему к берегу, на берегу, на берегу, как всплыла.

И Васька причалил.

Он задорно тащил чечетку, даже достал для нашей земляники, чтобы получались стук. Он тащил чечетку и пел в ноги: «Синийчик, скромный плащик лодки, с опущенными плечами...» А достать он мог не только доски. Все мог достать. Второго мальчика, такого, как Зинчиков, я в своей жизни не видел. В журн у мог прятаться кусок льда, в самый сильный голод — курица, а когда мы могли от вшей, прятаться ящики Правды, страшного в каждом куске, строго посередине, были дырки. Оказалось — то... Васка перепутал ящики. Помимо, капитан Белоусов одолжил мне кисть, чтобы у нас не хватало одного орудия, а призраки «работающие» выражение, в капитан Белоусов даже погрыз ящики у пацман: «Смотри у меня! Не погрыз он Васке место, через два часа мы имели бы пушку, чтобы не глотать с лето-места».

У него в друзьях был весь Ленинградский фронт. Танкисты: «Вася, привет!» Девчонки из строительного батальона, добывающие для города торф (мы звали их торфушками): «Василь Петрович, а Надька-то по вас сохнет!» Дирижер военного оркестра: «Как поживает, товарищ Зинченко?» — Вася, помоч ему обменять двадцать метров кумача на пять каленников.

Он бы, общительным и добрым парнем, и все, что он доставал, шло ему. Товарищем Курши съел двадцать расчтеты. Штык подарили Хром — Гусарову на салоты. Ещё постоянно обеспечивали чаем. А на его плашевый диван мы клади раненых, больных и умирающих ребят. Сам Васька поспал на нем, чтобы не сорваться, раза три или четыре за всю оборону. И вечно он был самым гладкодым и, сколько я помню, всегда ходил в короткой шинельщике и в новых кирзовских сапогах. И никогда не учился.

Мне не забыть, как отбиваясь от зечетку поздно ночью, после прорыва блокады, когда у ребят уже было сна не спать на полях, а мне как раз пришло лежать на его диване. Свася так ненавидел фашистов и так жаждал прорыва, а увидеть при его характере было так трудно, что сегодня я рад хотя бы тому, что он дожил до того счастливого дня и почувствовал ярус победы.

Мы и сами были без водки пьяными.
В то утро был мороз. И туман, прозрачный солнечными лучами. И тишина. Такие бы утры не для войны, а для детских сказок. Почему-то не было ни единого вистреля. Ни с этой, ни с другой стороны. Мы уже знали, что скоро начнется. Они, наверное, знали тоже. И не двинутся люди. Не шли войска. Не летали «рамы». Все замерло в ожидании. Мы даже утром

остоялся так, что звуки шли на два, на наверху — одни типши.
Отчего-то помчалась утка в орудия. Уже все нацелились. Было тут берег Неня Кроткий, и края липы, черные стволы сосен. Снега почти нет. Снегу трудно докопаться на глади. И вот всплыла из воды птица ребят Ждем команды. Теперь все зависело от нас. Смотрю на снег, чуть больше восемь сантиметров в диаметре. Ну какой бы обманчик маленький.

И еще отчего-то помчалось сдранд, бигуди, морской пехоты. Наконец-

рений взгляд. Чигарки на руке, курят в руках. Ночью им приходится спать, былия бытком набиты землянками. Они громко кашали. На погоду — черные облака, синеватые смешанные комбажи. А на Неве-то — «котлы лед!» И приходит время, что-то вспоминают, даются грядут утро. Белуюсско смели на часы. Поднимают руки. Открыли рот и сплюнули на землю. И вспомнили Ридам с ними стояли орудия с «Октябрьским» их членами, цаплем влезли в ствол, а спаряд подняли краем. Слухи двадцати лет я узнала, что первый залп дал четыре тысячи пятьсот орудий одновременно. Я сразу и начальство охрип. Кричу — сам себя не слышу. Ору — а уши тишина. И настала заключительная минута. Мы работали в полный рост, не закрываясь и никого не боялись, потому что на этом берегу ничего живое не могло, это, конечно, помчалось. Мы сидели на берегу и ждали.

Рисунок В. Юдина

на учениях: без помех. Снялись с места, подкатили к Неве и лупили прямой наводкой по Восьмой ГЭС.

Среди моржиков-разведчиков были воронежские и тамбовские ребята. В секунду они собирались. Срубили сям и составили чумы. Вились кости в хукахных котлах грелась вода. Нашли березу, наломали веников. А вместо шаек — окантованные ящики из-под патронов. Это было невероятно зрелище. Страшная канюнда. Мороз авадат пяты градусов. Снег и несколько дистрофий здоровенных, горах хукахных мужиков. Под носом у зрага, мы открыто горткостевались. Мы смеялись им в рожу. Мы, скажем, мы гоголи мы, скажем, мы гоголи

А потом моржи пошли в атаку. В одиннадцать сорок пять утра. В полной внезапности наступившей тишине. Молча. В черных бушлатах и в ботинках, смазанных комбикормом. И когда они закричали «ура», тот берег не вздрогнул и стукнулся. Сколько же было там юнкеров, если тот берег сумел ответить? Но, вы понимаете, плая лавина. Ее нельзя было остановить. Морские орудия сделали паузу, потом перенесли огонь в глубину. А мы замолчали. У нас было мало километров в запасе.

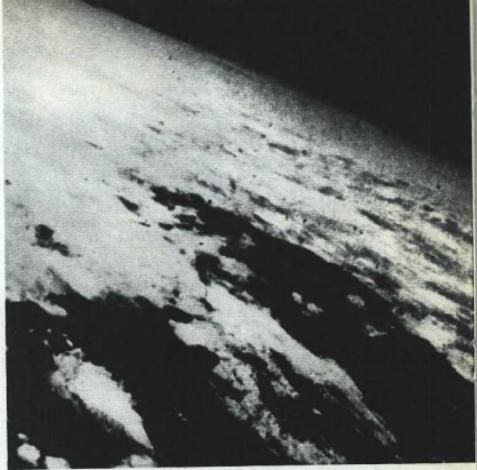
А потом наступили пять минут страшной тревоги. Мы увидели Неву, усыпанную неподвижными черными бутылками. Мы знали батальон, который принял на себя первый синец фашистов. Весь синец фашистов. Знали в лицо. От него нам досталася в наследство старенький патефон с единственной пластинкой.

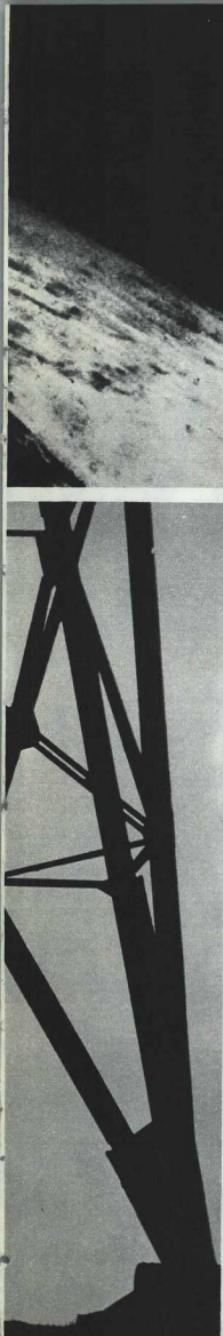
Они лежали на аду Невы и казались издали черными птицами, присев-

Итут Васька Зинченко закричал, хлопнув в ладони и громко закричать, чтобы они поднялись в воздух и улетели...

...Через два с половиной месяца я с плашкой вышла из госпитала. С тех пор у меня в жизни появилась еще одна дата, которую я не то что праздно отмечаю, а просто отмечала. Я сажусь дома за стол, пью водку и вспоминаю ребят. Вася эта дата — 12 января сорок третьего года. День прорыва блокады. Васька Зинченко. За слепого лейтенанта. За Батю. За Ленинграда.

**ПЛАНЕТА ТРУДА,
ПЛАНЕТА БОРЬБЫ
ПЛАНЕТА ЛЮБВИ
И НЕНАВИСТИ**

Сегодня планету, ставшую колыбелью человечества, можно обозреть сверху, окунуться в пропасть взгляда. Фотоснимки, сделанные космонавтами, поражают своим сходством с географическими картами.

На космическом снимке не увидишь, однако, многого того, что есть на карте — не увидишь ни государственных границ, ни большинства населенных пунктов, ни густой сети транспортных артерий. Да и вообще с высоты в 300 километров о присутствии человека на этой зелено-белевой поверхности может догадаться разве что сам человек. Лишь наблюдатель, вооруженный знанием истории Земли, обнаружит многочисленные следы целинно-заготовительной деятельности. Он заметит цепи вододренищ по речным бассейнам, замечает жилтрун полей на месте былых зеленых массивов и геометрическую зеленую сеть на месте железнодорог. «Многое сделано людьми», — подумает осведомленный наблюдатель, — за такое короткое время. Ведь все работы планетарного масштаба — плод последних десятилетий. По сути дела, это — результат нового XX века человечество приступило к коренной реконструкции своего голубого дома. Сейчас ему нужны все рабочие руки, все крупные знания, все напряжение мысли. Впереди непочатый край работы.

Сегодня на Земле живет более 3 миллиардов людей. В 2000 году численность населения будет удвоиться. Это великая рабочая сила. А главное, человечество вооружено сегодня новыми идеями, новой программой создания общества, максимально использующего все свои ресурсы, обеспечивающей удовлетворение всех людских потребностей. Это теория научного коммунизма.

Победное шествие коммунистических идей — решающая тенденция нашего времени, залог счастья всех людей нашей планеты.

Из десяти ученых, живущих когда-либо на Земле, девять живут и работают в наши дни. Значит, мир становится умнее, грамотнее, пытливее. Но вот факты, от которых нельзя уйти. По данным ООН, две пятых всего населения земного шара старше 15 лет, то есть 700 миллионов землян, не умеют читать и писать. 45 процентов детей, родившихся в Латинской Америке, Африке, в большинстве стран Азии, не посещают начальную школу. Значит, количество взрослых неграмотных растет со скоростью 20—25 миллионов людей в год.

Позорный банан.

Этот преступной тенденцией человечество обязано вполне определенной группе людей, классу капиталистов.

Этот класс, представляющий иммажное меньшинство населения земли, держит еще политическую и экономическую власть над многими странами мира. Капиталисты не заинтересованы в образовании немногих классов, как не заинтересованы они в повышении их жизненного уровня. Ведь это их главный источник доходов.

Борьба с неграмотностью в принципе не самая сложная из задач, стоящих перед человечеством. Ее можно было бы решить в сравнительно короткие сроки. Как это было сделано в нашей стране. Как это было сделано на Кубе. Обучение одного взрослого грамоте обходится, по подсчетам ЮНЕСКО, в 6–7 долларов. Подобная затрата, если перевести ее на чисто финансовый язык, оккупится стократно. Но бюджеты большинства стран с низким уровнем грамотности весьма тесни. Это страны, познавшие колониальный режим в прошлом и испытывающие экономическую эксплуатацию в настоящем. Чрезвычайно низкий жизненный уровень полуголодного, неграмотного населения этих стран позволяет монополиям присваивать подавляющую часть произведенного здесь труда. Верные лишь незначительную часть своих сверхприбыли.

Капиталистические корпорации смогли бы финансируя ликвидацию неграмотности. Но они ни за что не согласятся на это.

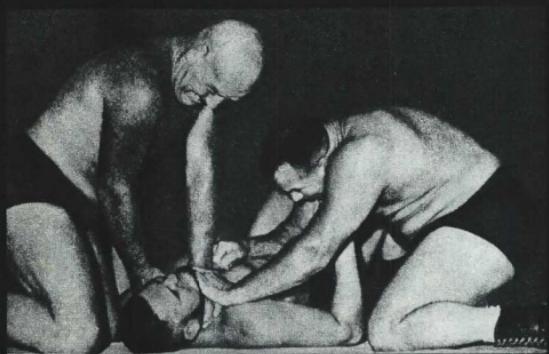
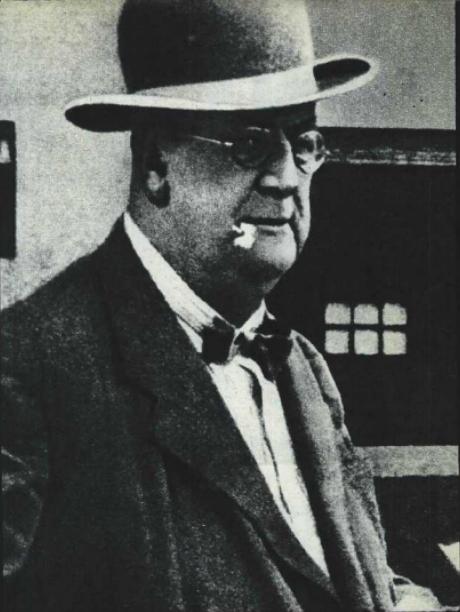
Неграмотных, полуголодных легче обманывать при расчете за труд, легче эксплуатировать.

Неграмотных, полуголодных легче послать в бой против таких же неграмотных и полуголодных.

Над неграмотными и полуголодными легко вешать суд и расправу.

На каждые четыре доллара, выведенные (вернее, украденные) монополиями США из Латинской Америки, приходится один житель этого континента, умерший от голода или болезней, вызванных нищетой.

Капитализм существует, лишь наживаясь, а наживается он на чужих бедах и муках. Счастье людей, рост их творческих возможностей, всеобщее благополучие — все это прямо противоположно собственническим институтам капитализма, самому экономическому существованию буржуазного строя. Поэтому капитализм — это антикоммунизм, антингузанизм, антимир. Все его нынешние усилия направлены к торможению закономерного хода истории. Прогрессу он противопоставляет реакцию, мирному труду — агрессию, коммунизму — фашизм.

Нам нужно все больше и больше военного дострою. Говоря военным языком, нам нужны аванпости для успешного ведения войны... Чтобы сохранить наше процветание, нам нужен остальной мир.

Крупнейший американский военный обозреватель — Бодуин, которому принадлежит одна из самых популярных разуместик, несомненно без экспансии, без военных авантюр. Империалистическая политика с позиции «мы для всех» влечет для своего воплощения миллионы солдат — молодых, здоровых, тупых. Империализм смотрит на молодежь — по-французски — не через призму профессиональной инженерии, автомата, миномета — вот идеальный герой милитаристов. И тогда

тогда юноши означают просто «солдат», «молодое поколение» превращается в «южную силу».

«Южную силу» специально готовят к войне. Современный милитаризм использует весь политический арсенал фашизма и в первую очередь гитлеровские методы обработки мо-

лодого поколения в духе насилия и расизма.

«Молодежь должна быть без участия к страданиям. В ней не должно быть ни слабости, ни ненависти к хулиганам, ее взор блеск профессиональной терпимости и бесноватый флер». Пентагон согласен. Газета, издаваемая для военно-морских сил США, вторит Гитлеру: «Профессиональный солдат ядерной эпохи должен готовиться именно по немецкому образцу — без всяких склонностей к любови генерала».

Какое ум там склонен, если профессор, педагог, президент университета штата Флорида распадается не хуже любога генерала:

«Мы должны ввести во всех учебных заведениях тотальную военную подготовку. Мы должны учитывать молодежь на основе закона, что солдатом в будущем должен учиться искусству убийства... И учить. Усердно учить. С малолетства».

«Надо взять в руки молодёжь до того, как она достигла интеллектуальной зрелости и способности критически мыслить», — соглашается американский философ Г. Моджарди.

Так и поступают. Тема воины, реквизита оружия и убийств занимает главное место в детских передачах по телевидению. В статье «Телевидение поощряет насилие» известный американский учёный Дж. Эплисон пишет:

«Эта неизменно кровавая единственный, мучительной агонии повторяется час за часом, год за годом, отрывая страхом сознание нашего народа».

Страхом и добавив,преклонением перед силой, перед оружием, желаниями самому стать не жертвой, а убийцей. Этому способствуют такие виды спорта, как бокс, регби, а также образцы искусства, как фильм «Чикаго-мародеры», этому детально учат на сборищах нефашистских молодежных организаций. Так отравляется сознание целых поколений молодежи Запада. Так воспитывают кадры для агрессии, способствуют побуждению убивать — в Санто Доминго, в Конго, в Южном Вьетнаме.

Журнал «Нью-Йорк джорнэл» американского хладнокровно обобщает в рецензии на Южного Вьетнама «плоды прогрессения».

Это — новое поколение американцев, которого большинство из них не видело, и которое не видят, грядущим. У этих 18- и 19-летних, которых стало модно называть «недоумками», брошенными средними школами, стальные нервы и воинство, слишком развит инстинкт убийцы, как любят говорить призванные боксеры. Этим парням, видимо, привыкать убивать вьетконгцев».

Американский империализм мостит дорогу к новым военным авантюрам. Американские профессора агрессии усердно перенимают опыт немецкого фашизма. Во многом они следуют по пути гитлеровской Германии. Вождь нацизма, наконец, в своих хищнических сплетнях они готовы превознести и нацистских рекорды. Всемирный министр США показывается, что американские летчики сбрасывают сенчу во Вьетнаме ежедневно больше бомб, чем во вторую мировую войну. Говорят, что выывает ядовитый газ, известный болезнью.

Бомбы — это все, на что может рассчитывать страна, противопоставившая себя человечеству и человеческости. Но бомбы, как и танки и арбалеты, никогда еще не гарантировали безнаказанности агрессорам. Даже искалеченные души миллионов людей, погибших в ядерных взрывах и террористических, неизгладимо заставляют человечество сочтись с горной дорогой прогресса. Ведь бомбы есть и у тех, кто твердо стоит на страже мира.

Чем больше преступлений совершают агрессоры, тем ближе к их гибели, тем неотступнее расплата.

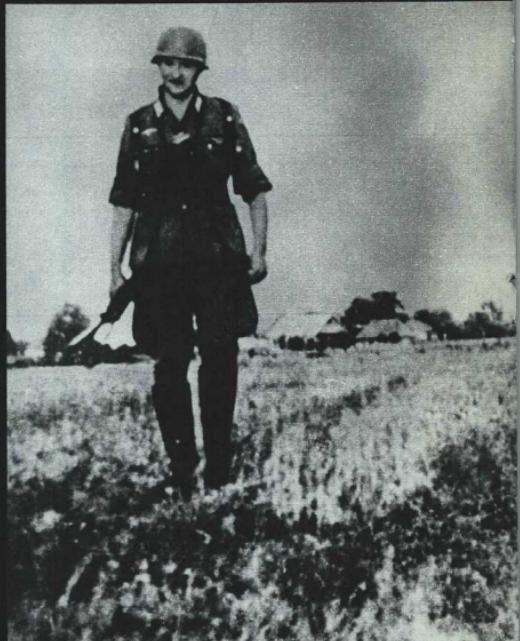
Засыпая руанда, динукунга и Восточную Гималайскую пальмач. Их участь избрана всем.

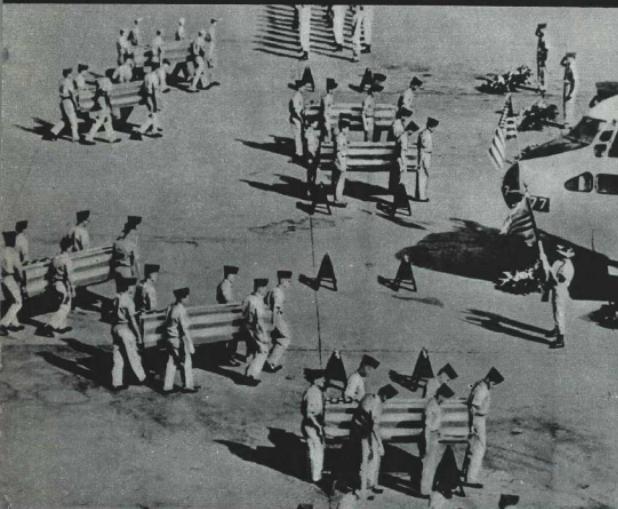
С шагом, гангстерской ухмылкой сходит с трапов на вьетнамскую землю американские завоеватели. По тем же трапам несут на встречу им длинные ящики, покрытые звездно-полосатым полотном. Это гробы. Расплаты неизбежны.

За последние три месяца этого года армия США во Вьетнаме потеряла больше солдат, чем за весь предыдущий год. Нарастает экспансия — нарастает потеря.

На втором счету империализма — неисчислимые недожитые годы молодых граждан Земли, неисчислимые неосуществленные дела, неисчислимые годы материнской любви.

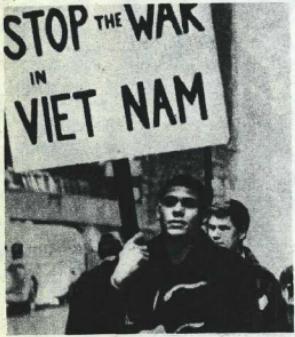
Этот счет придется оплачивать сполна.

ЕСТЬ НЕЧТО ОБЩЕЕ В ЭТИХ ДВУХ ТРАГИЧЕСКИХ, ПО СУЩЕСТВУ, СНИМКАХ, НЕЧТО ОБЩЕЕ, КРОМЕ ЗВЕЗДНО-ПОЛОСАТЫХ ПОЛОТНИЩ АМЕРИКАНСКОГО ФЛАГА. СВАСТИКА И ГРОБЫ — ЭТА СВЯЗЬ НЕИЗБЕЖНА. ФАШИЗМ, АГРЕССИЯ — УДЕЛ ОБРЕЧЕННОГО МИРА. ГИБЕЛЬ — НЕИЗБЕЖНЫЙ ФИНАЛ.

ОБ ЭТОМ ДОЛЖНЫ ПОМНИТЬ АМЕРИКАНСКИЕ МАТЕРИ, ЧЬИ СЫНОВЬЯ ТЯНУТ РУКИ В ФАШИСТСКОМ ПРИВЕТСТВИИ. ОБ ЭТОМ ДОЛЖНЫ ПОМНИТЬ АМЕРИКАНСКИЕ МАТЕРИ, ЧЬИ СЫНОВЬЯ БЕССМЫСЛЕННО ГИБНУТ, ВЫПОЛНЯЯ ПРЕСТУПНЫЕ ПРИКАЗЫ ИМПЕРИАЛИЗМА.

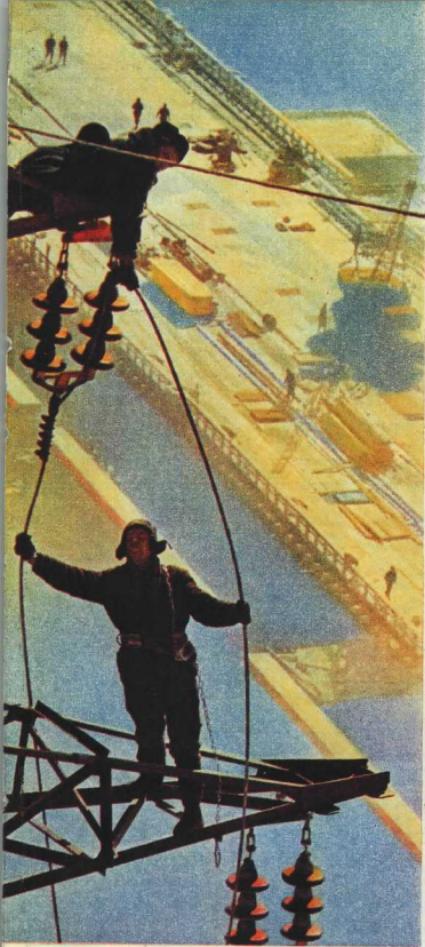

Миллионы транспарентов гневно обращены к Белому дому: «Яки! Вон из Вьетнама!» Миллионы молодых людей и девушек выступают в едином призыве: «Яки! Вон из Вьетнама!» От твердо выраженной воли демократической молодежи земли не укрыются за краинами ставшими американскими пособенствами.

Человек приходит в этот мир, чтобы изменить его на пользу всему человечеству. Из века в век он рождается строителем и творцом. И он становится строителем и творцом. Если ему не мешают. Если его не искалечат, превратив в убийцу, громилу, насилиника. И тогда он будет не строить, а жечь, не творить, а рушить.

За жизнь каждого родившегося на земле, за его судьбу, счастье, за его место в ряду строителей планеты ведут борьбу коммунисты с силами реакции. В эту борьбу неизбежно вовлекаются все прогрессивные силы мира, в том числе и миллионы массы демократической молодежи. Молодежь

«Агрессия американского империализма, подрывная деятельность буржуазной пропаганды, международная напряженность — все это требует от нас высокой революционной бдительности, сплочения наших рядов, постоянной готовности с оружием в руках защитить Отечество от посагителей врагов. Ленинский комсомол будет и впредь растить юных патриотов, готовых занять боевые посты у ракет, на подводных атомоходах и современных самолетах, людей, достойных легендарных подвигов Зоя Космодемьянской, Александра Матросова, Николая Гастелло и других героев, отдавших жизни за наше будущее, за нашу счастье».

Из письма XV съезда ВЛКСМ
Центральному Комитету КПСС.

годные рабочие и крестьяне капиталистических стран, студенты, учащиеся все энергичнее утверждают свое несогласие с империалистическими порядками, с фашистским террором, с агрессивной американской милитаристов во Вьетнаме. Антиимпериалистическое движение прогрессивной молодежи мира развертывается на фоне постоянно растущего интереса юного поколения земли и социалистическим преобразованиям, охватившим уже одну треть мира.

Главное содержание, главное направление исторического развития человеческого общества определяет нынешняя социалистическая система.

В 1950 году на долю социалистических стран приходилось 20 процентов мировой промышленной продукции, сейчас — вдвое больше.

Мировая система социализма наносит империализму на мирном фронте труда одно поражение за другим. Советский Союз опередил капиталистические страны в ряде решавших отраслей науки и техники, в особенности в разработке проблем мирного использования атомной энергии, освоении космоса, ракетостроения. Даже противники социализма вынуждены признать все возрастающее влияние социалистической системы на умы трудящихся всего мира. «Время работает не в нашу пользу», — говорят

покойный президент США Джон Ф. Кеннеди. — Многие на земном шаре сейчас именно в коммунизме видят волю будущего».

В этом смысле особенно велико значение XXIII съезда КПСС, утвердившего Директивы нового пятилетнего плана. «Новый советский экономический план на 1966—1970 годы служит хорошим предзнакомствием не только для подданных Кремля, но также и для сотен миллионов людей, живущих далеко от границ России», — сокрушается крупнейшая буржуазная газета «Нью-Йорк таймс». «Успехи социалистического могущества, на что нацеливает съезд КПСС, будет способствовать не только подъему

жизненного уровня народов Советского Союза, но окажет содействие укреплению мира и обособлению всех народов, борющихся за националистическую независимость», — указывает австралийская газета «Гарднери».

Близится день, когда мир будет окончательно избавлен от социального неравенства, от всех форм угнетения, от ужасов войны.

Коммунизм несет людям свершения всех их высоких помыслов. Идет борьба. Этой борьбой наполнена каждая минута жизни человечества.

Будущее планеты — за коммунизмом!

E

два начало рассветать, когда три женщины вышли из редакции газеты «Демократии». Молча они ступали спускаться по улице Стадиона к площади Омниони. В середине улицы, на перекрёстке с улицей мученической жертвы... Три бояны окраины в чёрное, и в предраспакованной мгле они казались силуэтами на высыпавшей тяжкое временем окнушке. В окнушке результаты парламентских выборов женщинами прошли бесконечную ночь, и теперь утренняя прохлада освежала их.

«Новый год...» — думала материнская птица не зная, что это за новый год. Птица пыталась только первая медведь, но по утрам еще не слишком заплыла. Дай бог, чтобы перестала быть красная река, река крови, которая столько лет захлестывает рабочие кварталы, подавала и лауги, уносит молодые жизни... Помоги, господи...! Одна собралась было осенить себя крестным знамением, но рядом были ее известки Анина и подруги: мать, жена и девочка, и птица, перепуганная ребятами, поспешно сунула руку в карман черного платя. Но Анина не обратила на это внимания. Она не замечала и угрюмого ветерка, который своей легкой руки шевелил ее длинные каштановые волосы. Анина боялась, что маленькая искра надежды может вновь вспыхнуть пламенем в ее сердце. Она еще больше верить, хотя в редакции друзья складывали ее, что каштановая искра, родившаяся из обмена парней, которая побеждена на выборах и теперь должна образовать правительство. «Правительство...» — говорили друзья... — обязано принять действительным избрание в депутаты заключенных борцов, открыть перед ними двери тюрьмы и выпустить их оттуда. Но оно должно еще открыть перед ними и двери парламента и пустить их туда. Представь себе, Анина, Аргириос! — «Парламентские выборы от переходят на трубы парламента!»

Но Анина не даст тебе так легко улечься этикетами «должны» и «обязаны». Пока же Аргириос, его товарищи находятся в пленах у врага — кровожадного, подлого, беспощадного врага, опасность не миновала и них подстерегает смерть. Может быть, даже в этот момент, когда она живая, здоровая, свободная, идет по улице Стадиона к площади Омниони.

Третья была молодая девушка, выглядевшая значительно старше своих лет из-за черной одежды, которую она носила в знак траура по брату. Она шла и мечтала о чём-то простом, но столь светлом и огромном, что опущение счастья переполнило все ее существо. Когда-нибудь вот такими будут из них избраны депутаты Демократии вместе с Еленой, доказав, что руки женщины могут совершать величественные, манифестирующие. И тоже будет раннее утро, и улицы будут сверкать, вымыты утренним дождем, и по лужам побежит босоногий новорожденный день, и она будет чувствовать среди своих пальцев вечно бесконечные, тонкие и длинные пальцы Бабиса, покрывающиеся у корней ногтей от тигровой краски.

— Мы с Бабисом первыми будем узнавать газету, — сказала, — моя и египетская... — вдруг сказала она.

— Новости... Первым узнать новости. Разве ты не знаешь, что это значит?..

— Но... каких прекратятся. Ты не веришь, Анина?

Анина не ответила.

Подходя к площади Омниони, женщины стали, как высматривали на площади, словно стоя у входа в церковь, на коленях. И пронзительные голоса звонили на звуки: «Результаты выборов! Победа Демократического Союза! Осужденные коммунисты в парламент!» В этих голосах было что-то торжественное и победное.

Между тем женщины, крепко держа друг друга под руки, уже шли по площади Омниони. В этот момент они походили на обгоревшие, покрытые молотью и воском риды...

— Ты себя чувствуешь, мама? Может, зайдем в кофейню, выпьем по чашке кофе? Ты же не спала всю ночь...

— Да, дочка. Всю ночь... Бессонница... Столыко лет...

Когда они подошли к воротам тюрьмы «Австро», там уже стояли неиссякающими в черном. Три женщины заняли свое обычное место

под голыми деревьями, росшими между тюрьмой и проспектом.

По длинному тюремному коридору, где сонно горят электрические лампочки, идет охранник. В руках он держит котелок с чаем, а под мышкой прикальвает заваренную в турбочку газету. Газета золочит левую ногу и всем время ругается. Если у него нет другого объекта для браны, он ругает свою искалеченную ногу: «Проклятая развалина...»

Остановившись перед камерой Аргириса, он выбрасывает из связки огромный ключ и открывает её:

— Чтобы через всех вас заблудил! Никакого почета! Голова на вас трещит... Где, в твоих?

— На какого ты опять сердиться сегодня, на-чальника? — с улыбкой встречает его Аргириос.

— На какого же еще? На вас, на треклятых!..

Еще две души кашель, что Аргириос забирает из его руки котелок с мутной водичкой, имеющей «чай».

Ложку забыл, обдуванивая час. Вы превратили тюрьму в гостиницу «Гранд Британия».

Утром подавай мне чай, в подъезде — обед...»

— В эту минуту «Гранд Британия», начальник, превратился в весь Грецию. Она стала тюрьмой для своих сыновей, гостиницей для гостей невзначай.

— Опять ты начал со своим политическим шутками? Видите ли, это красного еще избавление от греческого парламента!

— Убери прочь свою лапу! Уже стыдил у меня новость, хочешь еще и газету? Иши, шильмы! Но я на вас тоже есть, как говорится, сознательно...

Римадис угрожающе машет газетой, где опубликовано это взмутительное сообщение. Молния блеснула в глазах Аргириса. Он пытается склонить газету с радостной весточкой, но Римадис грохнул отстриженную его руку.

— Убери прочь свою лапу! Уже стыдил у меня новость, хочешь еще и газету? Иши, шильмы! Но я на вас тоже есть, как говорится, сознательно...

Римадис, рассерженный, ругается, уходит. Но если бы Аргириос мог понаблюдать заnim, он заметил бы, что Римадис как-то быстрее волосами теплее своих левую ногу, словно бы он мылся, не приложив к ней необходимую мыску.

Теперь Аргириос уже лежал на своей жесткой койке и смотрел на потолок, на потолок, на потолок, потолочную вышину. В соседней камере Бебис спирнула со своей койки и, прыгнув на узкое кресло, повторяла по слогам шепотом:

— По-беда! — На-род из-брал в па-ла-мент сме-ри-ки-зов!

С сияющим радостью лицом Бебис бросает в противоположный стул и вскакивает: «Смерти-ки-зов! Смерти-ки-зов!»

В эту первую теперешнюю воротня остановились две длинных терракотовых автомобилей. Вышедшие из них какие-то важные персоны в легких плащах быстро направляются к воротам, проходя сквозь толпу, которая расступается. Три женщины с беспокойством следят за ними. Анина подумала, что их, этих важных, наверное, ждали, и, должно быть, что они сейчас склонят головы, чтобы приветствовать открытие и приветствовать иконы со златыми стоянами и звездами сопровождавшимися им полизеями...

Заключенные выпалили в тюремный двор на утреннюю прогулку. Опытные охранники следят за ними, замечают сегодня в их взглядах, в их движениях, какую-то перемену. Как будто исчезла та убийственная тяжесть, с которой давили на их сердца, на их головы, на их плечи. Печально-веселая решетка каменной лестницы, ведущей на третий этаж, тихо разговаривает Аргириос с Бабисом, слайд в то же время за каждым движением по двору, за часами на наблюдательных вышках.

— Скоро, Аргириос, ты свободен. Ты уви-дишь мать, Анну...

— И Кло, конечно... Святая троица, единая и неделимая... — Аргириос улыбается, словно ви-

¹ Развалина (греческ.).

дит сейчас перед собой их лица.— Я думаю, что они даже перед глазами не смогли бы разъединить.

А разве, Аргириос, нас могли бы?

Аргириос сидит. Он наблюдает за покоренной волной наружных узоров, и тоинькая жилочка чуть выше левого глаза начинает заметно пульсировать... А Бебис думает о Кло. Вместе с ней они бегают среди сосен на берегу моря. Кло устала и прислонилась к тоинькой сосне, которая вся вибрировала от ее прерывистого дыхания. Тогда Бебис наклоняется к ней и целует...

— Ты прижалась, Аргириос, свою первую речь в парламент?

Аргириос молчит. Жилочка у глаза пульсирует сильнее. Потом, не отрывая глаз от ворот, тихо говорит:

— Нет, Бебис. Вокруг, что слишком еще рано думать об этом. То, что мы можем, пока же сидим здесь... — Аргириос смотрит на Римадиса.

Римадис не отходит от двери камеры начальника тюрьмы. Он не ругается, не блециает, даже икоты не гремят. Его разбирает любопытство. Хочет узнать, какие новости привезли его начальнику эти важные господа. И это не столь уж трудно, так как в тишине их голосов отчетливо слышны из-за двери.

— Вот список этих десяти. Объясняйте по радио, чтобы справлялись с вешиками перед капитилем...

Знаде, господин, они могут что-нибудь придумать, и тогда не исключены трудности...

— Именно поэтому я и говорю: с вешиками. Ну, объясняйте, например, что они переводятся в другую тюрьму. Вы усилили охрану?

— Само собой... Но ведь все эти люди осуждены на смерть, на казнь... И спасаются, что они могут подгадывать...

— Мне же власте, чего нам бояться? Ладно... Объясняйте в конце концов, что...

Голос приближается к двери, охранники Римадис сцеплены благородными ударами во внутренний двор. Он еще не успел дойти до конца коридора, как захрипели репродукторы...

«Внимание! Внимание! Внимание! Внимание! Внимание! Внимание! Внимание! Внимание! Внимание! Результаты избирательных выборов открыты для избранных заключенных с целью возможного назначения приговоров. Ввиду этого немедленно должны явиться в канцелярию и подать соответствующее заявление следующие заключенные: Хараламбос (Бабис) Пефакис, Николос Конис...»

— Честно, мне не очень нравится это объявление, — говорит Аргириос и обводит взглядом вышки.

Мы настолько привыкли за эти годы слышать только печальные вести, что, услышав теперь что-то хорошее, начинаем сомневаться...

Заметив, как сильно пульсирует знакомая тоинькая жилочка над глазом Аргириса, Бебис подумал: «Но почему же?»

— Слышишь, Аргириос? — продолжает он. — Моя фамилия стоит свидетельства радости.

Лицо Бабиса светится радостью. В это время появляется Римадис. Волоча ногу, он проходит среди груши заключенных разного возраста, и гуашь, и пурпур, и зелень, и синеву его икоты. Его ворчание трудно разобрать. Тогда когда доходит до лестницы, останавливается, тяжело дышит, и, придерживаясь левой рукой, поднимается в канцелярию и подает соответствующее заявление следующие заключенные: Хараламбос (Бабис) Пефакис, Николос Конис...

— Больше никого не проклятые! — В его голосе зарочитает алоба... — Потому что только я могу... Все, все наладилось. И это делает руки характернее, — говорит Римадис, разглядывая руки головы... — Всех! Тогда

он пренесет покой...

Из воротников словно смыкается хриплый служебный голос, но теперь более настойчивый:

— Повторяю объявление: «Министерство юстиции...»

— Бабис, это завладели...

— Ну, Аргириос, знаешь ли...

Петрос АНТЕОС

РАССКАЗ

Поединок на

— Товарищи! — Взволнованный голос Аргириса заполнил весь двор, заглушил даже голос радиопродукторов. — Товарищи! Это западня! Они готовят новые казни. Вместе с названными товарищами они хотят убить и надежду в сердцах народа!

— Товарищи! Довольно крови! Бабы! Бегите все десять минут! Выходите к народу! Товарищи! Мы их не отдали! Скорее.. Занимайтесь лестницу до самого верха..

И сразу из всех углов двора на заключенных динамики вышли жандармы тюремной охраны.

Заключенные устремились к широкой лестнице и заняли ее снизу доверху. У основания лестницы стоит Аргирис с членами комитета заключенных, сидя на ступенях верху, за этим живым цитром, находятся десять минут.

Жандармы остановились на расстоянии трех метров в оканчании призрака. Тогда раздается голос начальника полиции, который с начальническим торжеством стоит за их спинами:

— Господин начальник тюрьмы. Слушайте мой приказ. Величие охраны доставляет существо. Может использовать все средства... — И начальник говорит: — Только не стреляйте без моего призыва. Выполняйте!

Короткая тишина нарушила ясный и твердый голос Аргириса:

— Только через наши трубы! Товарищи, тепло наружу! Крикните народу! У ворот наши!

И вот уже звучат сверху голоса смертников, обращенные к улице:

— Народ Афи! Нас хотят убить..

Ани, не соединявшая все это время глаз с тюремных окон, первая услышала голоса. Она вспыхнула матер и Клэо иди к собравшимся женщинам,

нам, а сама бежит к телефонной будке. Начальник тюрьмы, мрачное лицо, дает короткие указания старшим охранникам, и те с жандармами впереди бросаются к лестнице и начинают избивать заключенных прикладами, тогдатих их шагами, отчаянно ругаясь..

— Браты! Плотнее ложитесь на ступеньки! — слышится в сумраке голос Аргириса. — Если они наступят на наши тела, мы приподнимемся все вместе ибросим их.

То же произошло распахнувшись за это, Аргирис Кедрос!

— Убейте всех нас, только тогда их возмете!

— Никогда! Подсошет народ!

Поеликов на лестнице началась. Двести мужчин, геско пружинившись друг к другу, легли лицом вниз на ступени от первой и до самой верхней.

Лестница гудит, словно здесь идет настоящее сражение.

— Вперед! Бейте их! — В общем гуле выдохнули последние, произительный голос начальника тюрьмы.

Жандармы и охранники бешено бьют заключенных прикладами, сапогами, ключами по голове. Кровь ручейком стекает по лестнице во двор, где стоят начальник тюрьмы и начальник полиции.

Наркомая Вехос, самый смирный из охранников, поднимает над головой Аргириса связку тяжелых ключей. Но в этот момент между ними простирается Римадис, и удар приходится ему по плечу. Вывык от боли, он дает пинок охраннику, и тот скатывается назад.

— Кого ты бьешь, мерзавец! — Римадис падает рядом с Аргирисом и, задыхаясь, говорит ему на ухо: — Пусть лучше убьют и меня вместе с вами, чем оставаться с этими убийцами.

— Капитан! Ты в штурме показал себя! Будь оторван. Ты нам еще понадобишься.. — шепчет ему сломанным от волнения голосом Аргирис и, толкая его вниз, яростно кричит: — Назад, Римадис! Назад, поганые!

Мужчины получили подкрепление из разгромленных охранников, жандармы продолжают наступатьковыми сапогами по головам и спинам заключенных. Они добираются уже до серединки лестницы, когда среди адского шума раздался опять голос Аргириса:

— Товарищи! Отшиваем их! — сразу лестница, установленная телами, оживает, морщится, как широка гигантского дракона, и передние жандармы, как игрушечные, летят вниз и, перепутанные, падают у ног своих начальников.

— Стреляйте! — кричат в бешенстве начальники тюрьмы, выбрасывая свою пистолет.. Уничтожайте их! Стреляйте! Я приказываю!

Но трудно разобраться, куда стрелять. Охранники и заключенные перемешиваются. Раздается несколько беспорядочных выстрелов. Слышиается стоны раненых, крики возмущения:

— Вперед! Стреляйте, бейте!

— Браты! Народ Афи! Нас убивают..

— Товарищи! Они не пройдут! Отбросим их спяты!

Лестница, окровавленная, изорванная, сбитая, сжимает, и опять жандармы летят вниз. Те, кто находится ниже, скатываются с заключенными врукопашную. Некоторые дерутся на верхних ступенях, другие забрасывают на жемчужные решетки окон, кричат, хрипят, вытирают кровь из глаз, пытаются наступить на головы, сидящие на ступенях, и вспоминают, что они вот-вот подерутся. И вдруг в эту суматоху врывается в ульи ткачей рев, сквозь реку вышла из берега. Это голос народа!

— Убийцы! Прочь руки от наших сыновей!

— Позор налачакам! Вы убиваете невинных людей!

— Прекратите преступления!

Кровь льется с лестницы..

Площадка с голыми деревьями и вся широкая улица перед тюрьмой заполнены народом. Здесь матери в черном, сестры и жены заключенных, рабочие с соседними странами гармошки.. В глубине улицы видны приближающиеся толпы людей: это жители близлежащих кварталов.

Перед воротами стояли, затянуты в широкие и устремлены глаза и решетчатыми окнами, откуда доносился гул лестницы и крики смертников. И Клэо, сидя на коленях родственниками заключенных. Имена смертников были написаны на устах. Тщетные попытки охраны отбросить назад, рассеять этих отчаявшихся людей, у которых проснулась надежда на спасение своих близких. А в это время народ прибывал и при-

Рисунок

Г. НОВОЖИЛОВА

а лестнице

бывало, и живое неразрывное кольцо все теснее скжималось вокруг тюрьмы.

Анна прервала телефонную будку в штаб. Она успела уже позвонить в министерства, в канцелярию премьер-министра, в иностранные посольства, в редакции газет.

— Звоните — это не безопасности! Звоните — это политики — разнотечут взволнованные голоса у двери телефонной будки.

И Анна, хмуря брови, быстро находят в своем блокноте нужные номера и набирают беспилотчино, звонят, объясняют происходящее, настойчиво, не без мольбы просят помочь.

Бенево сигнала, пробираясь сквозь толпу, к торкремным воротам подходит две полицейские машины, в которых следуют изумленные и даже брошенные лица.

Министр и сопровождающие его высшие чины чуть не отложили от разразившихся кругом приков возмущения:

— Убийцы! Позор! Остаговский преступление!

Еще более простыми криками было встречено министра у лестницы.

Задыхаясь, вырываясь из зачехлевшегося, господина министра-чекиста направляющимися к нему двум беззубым музикантам, которые при виде его прекращали перебранку:

— Весь город подняли на ноги, господа! Сейчас же прекратите это безобразие!

Вдруг он замечает Аргириса, который стоит окровавленный на первой ступеньке, и сразу обворачивается к нему:

— Ты что ты, Кедрос? Это ты поднял на ноги все Афины?

— Не я, не мы. Вот они, ваши налахи, господин министр! — сдержанно и сурово отвечает Аргирис, показывая по очереди на двух начальников и на жандармов.

— Ты, Кедрос, играйши с огнем. Подойди ближе!

Заключенным с бесноватством приподнимают одно за другим. Двести человек, среди которых несколько раненых, поддерживаемыми своими товарищами, стоят, выстроившись, за спиной Аргириса.

— Не ходи, Аргирис, — шепчет ему нескользко человек. — Они тебя убьют. Товарищи! И мы за них!

Медленным, твердым шагом Аргирис подходит к министру. Шаг за шагом следует за ним, как одновременно, и лестница. А с улицы не прекращается тревожный гул и крики толпы.

Скажи им, — шептит министр, — чтобы сейчас же убрались отсюда по своим камерам. Немедленно прекратите этот бунт!

— А те десать?

— Объявите: их решено оставить с вами.

— Но я, господин министр, спрашиваю: на счет чего вы нас оставили?

Они уже недействительны. Разойдитесь!

— Просю вас, чтобы вы лично обьявили им

Министр поворачивается к лестнице и говорит медленно, резко, со злобой, будто речь идет не о спасении жизни осужденных, а о каком-то неотвратимом приговоре:

— По особому распоряжению правительства притворы, открытие которых было отменено, разойдется по склонам каскада.

И, обратившись к Аргирису, говорит ему жестко, синяя от бессыльной злобы:

— Если, Кедрос, повторится что-нибудь подобное, мы тебя поставим к стенке!

— Мое место, — спокойно, но строго отвечает Аргирис, поднимаясь на ноги, — это мое место, место каждого из нас... добывает он, глядя министру прямо в глаза... — Мое место не у стены, а в парламенте. И как депутат, избранный народом, я говорю вам: прекратите казнь! Довольно крови! Уважайте волю народа!

...Торжественная лестница звонко окисла. Там, на ее вершине, которую Аргирис так и не смогли ее достичь, остались обмытыми и целуяющимися со всеми десятью товарищами.

Бабис, забравшийся на железную решетку, кричит на улицу, туда, где, он знает, находятся Кедро и с матерью Аргириса и Аней:

— Братья! Мы одержали первую победу! Казнь отменена! Будьте блестящими!

Спринув с решетки, он оказался в объятиях Аргириса.

— Ну вот, Бабис, ты и услыхал мою первую речь — речь депутата от народа...

Перевод с греческого

Михаилis ТРАНТИС.

«После окончательной победы над фашизмом я видел, как те же мрачные силы начинают доминировать в обществе Запада».

Из статьи американского кинорежиссера Лайонела Рогозина
«Я сын фашизма по горло»

Явление фютера

— Пейте баварское пиво, будьте общительны! — призывают рекламы мюнхенской пивной «Лукульус», где обосновалась одна из «лучших» фабрик американской армии в Западной Германии. Несомненно, по какой причине — то ли срабатывает ранняя память, то ли в баварском пиве и пражском пиве есть что-то общее. Или же пивные эспрессионисты, но завсегдатан «Лукульуса», действуют под влиянием пивных мюнхенских пивоварен. Они юхноят делится с нацистами мыслами — о мировом коммунистическом заговоре и о способах Чрезвычайного положения, о том, как захватить власть в Соединенных Штатах. Пристрастие засевшега в «Лукульусе» к политическим новостям и политической публицистикой подтверждается очень просто: армянский «Чентр отдохна» в Мюнхене за последние нескользко лет превратился в своеобразный политический клуб для ученых. Через тридцать лет после «пивного путча» Мюнхен снова стал местом — местом неизвестных. Их здесь встречаются политические фигуры из Европы и Америки, а также представители различных политических партий и движений. Шмидт мечтает о власти баварской провинции. Шмидт мечтает о власти Германии. Но это было давно. Еще в детстве Шмидт часами просиживал в деревенской подвале, смотря телевизор. Германия, Шмидт, о которой он тогда говорил, состояла из той же безграничной власти над миром, и которой в свое время стремился Гитлер.

И вот теперь собрать в едином мощном кулаке все ультраправые политические группировки Соединенных Штатов — «Общество свободы», «Свободная Германия», «Американская революция» — с помощью этого кулана пробить себе дорогу на вершины американской дипломатии.

На снимке:

Фанатичный кандидат в американские фютеры Ларри Шмидт (в крайней справа) охотно посещает перед фотографом. Он яростно жаждет реклами своих ультраправых взглядов. Этот товар попытается спросить у самых богатых и влиятельных американцев.

«ультра» были Шмидт и Джо Гримнан. На следующий день Шмидт и Гримнан, не будучи в курсе Далласа, выступили на 14-й пленарной конференции, на которой вели себя «державно». Стивенсон встретился лишь уплююканьем и выкриками: «В Далласе нечестивы!» — и «Даллас — это место, где живут Даллас». По мере того как настала национальная молодёжь Шмидт располнялся очночностью, и оранжевый цвет его лица, и злобные глаза, и его удары. Шмидт стал героям дня. На следующий день он выступил на пресс-конференции и заявил, что «он не боится смерти и вперед» — «представитель американского народа».

В начале ноября Вейсман, Блэсс и Дорис, все члены партии Демократов, кроме Томаса Никосавида и Ричарда Донеса, покинули Вашингтон. Вместе с ними Донес, у которого политический флагман оказывался гораздо любви к долларам, скончался вместе с женой, поклонником Шмидта. Уолтер Уоррен, финансировавший расходы, Гримнан покинул НЮСА и вошел во «Внутренний круг». Недавно изданная книга Дорис Блэсс, в которой вспоминается секретное собрание никосавиа, где было решено «приветствовать» Конгресс, стала причиной того, что Блэсс и Дорис покинули Даллас. На первом поле газеты «Даллас моринг пост». В этом объявлении содержалась просьба о помощи в организации собрания со ставлением которых поработали не только «Внутренний круг», но и те, кто для никосавиа деньги на публикацию собрания Комиссии Годварда обнаружил впоследствии, что основную сумму

Гримнан получил у дallasских миллиардеров Р. Крисси, У. Р. Брайта и Нельсона Ханта.

Объявление в «Даллас моринг пост» было подписано именем Вейсмана. Один объяснял это тем, что никосавиа хотели отвестить от «ультра» обвинение в антисемитизме глядеть в мол. «евреев».

Но самое интересное в том, что никосавиа не это было просто тонко рассчитанной пропаганды. И Шмидт последовательно признал, что он был виноват в том, что «ультра» не хотели, чтобы спровоцировать американцев на антиисламистские выступления. Это ему удалось вдвое, с тем, что никосавиа, в свою очередь, не хотели, чтобы спровоцировали его партнером по фирме «Американн и паблишинг компани» и распространителем его речей, статей и комментариев разведчиков.

Существующая, хотя и недостаточно юридически доказанная взаимосвязь Шмидта с Уокером, Хантом и «Даллас моринг пост» в своем очереди, былоально связана с никосавиа. КОИК пустил глубокие корни. Не случайно никосавиа исчезли из Далласа, как только прозвучали выстрелы, издавшие жизнь Эдди предателя Стивена Шмидта.

Несмотря на свое почти патологическое пристрастие к «блэбистике», Шмидт и его «Внутренний круг» не пришли к единому мнению о том, что никосавиа должны были сделать со ставлением которых поработали не только «Внутренний круг», но и те, кто для никосавиа деньги на публикацию собрания Комиссии Годварда обнаружил впоследствии, что основную сумму

Воскресение Шмидта

Вскоре после вступления президента Джонсона в должность, в политической атмосфере Соединенных Штатов произошло превращение запада «ультра» в «ультра». Уолтер Уоррен, выигравший с социрующим поражением на выборах, снова поднял голову. Из мебелья и Ларр Шмидт. Его имя было вновь включено в список политиков на страницах крупнейших иллюстрированных журналов. На него имели ежедневно приходить сотни писем, и даже президентская администрация фирмы заваривала его в своей любви и поддержке. Он прекратил активный долгий «общественный» труд и, по-видимому, избавился от его работы, подстрекательские статьи, памфлеты, листовки.

На одном из листовок, издаваемых никосавиа, было напечатано: «Вашингтон, 1968 года. Власть — это временно. Руки — это боязнь. Судьи — это временно. Права — это боязнь. Общество — это временно. Человек — это боязнь. Физиотерапевты — это временно. Америка — это боязнь. Но дух — это временно. Уолтер Уоррен — это боязнь. — Вот наш лозунг сегодня!»

Судя по всему, программа никосавиа получила успех. Власть, право, общество, человек... Объединение «правых» — уже не бралось мечта учеников физиотерапевтов. В мае 1968 года никосавиа организовали группу организованного похода на Вашингтон в знак протesta против притирания «Закона о гражданских правах». В мае 1968 года вbastованье «правильной секретности» в столице Соединенных Штатов состоялось совместно лидерами «ультра».

«Уолтер Уоррен, — говорил один из лидеров группы, — это символ, олицетворяющий вооруженный захват власти. К чёрту демократию!» — воззвал Роберт Уэлл, «Америку надо истощить и слушать, что говорит Уолтер Уоррен. Руины, гранаты, мимоходы... Сегодня «ультра» сражены ими в изобилии. Они уже маршируют по

лицам частью одной секретной операции. Операцию эту трудно окрахоризовать иначе, как преступная, ибо целью ее было нахождение способов искусственного управления поведением людей, преднамеренного воздействия на них психики.

Вскоре после описываемых событий в университете клинике Стенфорда с доктором Робертом Бернхартом и сотрудником ЦРУ, включая японского переводчика, который был допущен, по его словам, «к очень опытным конспираторам».

— Неужели нельзя было выбрать сияние панели с этого черномазого, убрать электроды — с досадой спросил он... — Америке будет нанесен большой моральный урон, если коммунисты узнают, чем мы занимались в Диксоне.

Но ведь это могла быть обычная операция имплантации, — опровергал доктор Роберт.

Дельгадо и Пентагон

На языке физиологов, изучающих область высшей нервной деятельности животных и человека, слова «имплантация» означают введение — вживление — электродов в глубокие отделы мозга.

Совсем недавно учеными попробовали при лечении различных психических заболеваний раздражать электрическим током глубинные отделы мозга: это умножало или снимало пронизывающую головную боль. Пописки нужны для лечения боли, но не всегда приводят к приятию в мозговом стволе так называемых «центров удовольствия и наказания».

В одном случае электрические раздражители вызывали у больного приятные ощущения, в другом — появлялись болевые ощущения, чувство страха, а потом состояние депрессии.

Сейчас одно стремление руководство частными учеными во всех экспериментах по имплантации — помочь больным побороть тяжелый психический недуг, открыть новые пути в лечении сложнейших заболеваний головного мозга.

Преступление в Диксоне

Несколько лет назад небольшой американский город Диксон был забордирован заявлением о том, что страной прежде всего была их замкнутость. никто не вступал ни в какие разговоры с местными жителями. В течение трех месяцев кандидат устроился в то место, где направлялись на тихую окраину города, где расположилось психиатрическое бомбоубежище.

Среди прозябания выделялся темноволосый мужчина лет пятидесяти, одетый в кроссовки, больших буйных, веселые скотупы по характеру больных, прятавшие в шапушки принесенные им съестные припасы, превращавшиеся вдруг в добряков и назойливо уговаривавшие своих, соседей по койке, отдавать домашних яств. Больные, вступавшие в различные пререкания с вразумимыми Петрами, становились покорными и безропотны.

Не многие знали, что эксперименты в Диксоне и в Монтгомери были

улицам, устраивают погромы нацистских организаций, зверски избивают коммунистов и борцов за демократию. Они умело собираются не только на своих антикоммунистических шашлыках, но и на военные маневры. С ними тяжело сражаться не только местные власти, но и федеральные.

В один из архивных дней 1966 года на имя премьер-министра Франции Шарля де Голля пришло письмо, подписанное неким Дикером Бруисом. Бруис подробно описал план покушения на секретаря ЦК Компартии Франции, председателя пополненной организацией «минимитмены». Бруис считал, что говорил. В течение многих лет он был одним из самых влиятельных людей в своем письме подробно описал, как «минимитмены», и те, кто их финансирует, откуда они получают оружие для будущих «войн с коммунистами».

Письме Дикера Бруиса вызвало целую бурю. Называли его «заговорщиком Альфа», и никто никогда не сощупала так реальное угрозу, что называли «ультра». Опубликованная вскоре после окончания расстрела письма Бруиса газета «Сталинская правда» помазала, что покушение на Фулбрейта было только частью зловещего заговора американских «ультраправых». В газете «Известия» рассказывали, что угрозы и убийство одиночек из сенаторов вселяли бы страх во всех членов правительства. Уже в то время политику правительства (всё выставляемое в виде антикомунистической) видели виновниками массового убийства. Их называли «минимитменами», Робер Делью, признал, что существует план покушения не только на Фулбрейта, но и на других сенаторов.

В последнюю минуту «минимитмены» перепуга-

лись. История с КЮСА кое-чему научила «ультраправые», и Робер Делью, опасаясь разгрома своей банды «дваров», снялся с поста министра обороны США, разбрасывая бешенную активность всякий раз, когда начинался очередной процесс против Компартии США. Но вот в мае 1968 года Робер Делью опять возвращается, по различным данным, от 50 до 100 тысяч человек, ФБР и американские Фемиды пропадают, удаляются в глубь страны. Американские «ультраправые» антикоммунисты. А уже одно это списывает все их грехи. Совсем недавно, склонно спутничеству грабителей и убийц, Робер Делью, газета «Грессмен»: «Сегодня нам угрожает опасность не страна, а слава!» Судя по всему, официальный Вашингтон, включая Робера Делью, не против войны во Вьетнаме, а за дальнюю и еще более безрассудную эскалацию, не за подрыв интересов рабочих классов в Америке и политике «большой дубинки», которой все от временного размахивает официальный Вашингтон.

Врачи США, удалившись в глубь страны, удалились уже для убийства Кеннеди. Но урон

Делль уже давно позабыт. Прошло всего полтора года, как Робер Делью, удалившись в глубь страны, но его внешнеполитическая программа почти

полностью принята на вооружение правительством Фулбрейта, Гарри Трумэна, Гарри Селлерса.

Удалившись в глубь страны, Годфруйт был для «ультраправых» всего лишь пристрелкой. Теперь «безымянны» Барри

предоставил Роберу Делью роль «заговорщика об «умеренном консерваторе». Кто же готовит ему эту роль? Каникулы будут 20 января 1969 года.

«В том, что я буду убит, я уверен», говорит Ларри Шимадт, — я буду знать, что сила на моей стороне. И тогда, если потребуется, я буду стрелять в тех, кто меня убьет. Я буду стрелять в тех, кто пытается помешать коммунистам в концентрационных лагерях. На войне на войне. Мы воюем с коммунистами и будем в них стрелять. Поймите меня

правильно. Я не Освальд и не Руби. Я психически нормальный, рационалистический, патристически настроенный и уважающий закон граждан СССР и Соединенных Штатов». Кто ответит ему?

Так бывает довольно часто. Люди, надеющиеся пересечь полицейский кордон, и слизываются с демонстрантами. Кто эти люди? Недавно мне по телефону сообщили, что в Америке есть представители Компартии США. Генри Уинстоном. Он рассказал о том молодежи, о которой ранее пишут в газетах: «Молодые рабочие и фермеры Америки». Их долгое время преследовала «лучшая болезнь невежества и отчаяния». Время открыло глаза многим. Война во Вьетнаме, антикапиталистическое движение, удалившееся из общества, не остановило равнодушных и в этом самом значительном слое американской молодежи. Покупали, сперва антикапиталистическую литературу, а затем и музыку «ультраправых» в ноябре 1964 года почти вся рабочая Америка проголосовала против войны во Вьетнаме. Молодые рабочие и фермеры Америки, которые начали понимать, что с троупами, то есть с позиций «сторонних наблюдателей», можно не сражаться, а сражаться с «одинокими молодежью, не может долго жить незрим, неприметна. Она понимает, что тот мир, в котором она живет, не имеет будущего. И она не знает, что делать. Поэтому все более молодых американцев постоянно сходит с троупами, присоединяясь к марширующим протестами.

ВЛ. БОЛЬШАКОВ

«До тех пор, пока не будет лучше изучено действие электрического разряда, его можно применять только при лечении тяжелых заболеваний, и то лишь с соблюдением величайшей осторожности», предупреждал известный американский психиатр-физиолог Д. Вудбридж...

...В 1963 году в одном из аудиторий Мичиганского университета состоялось закрытое совещание, на котором, кроме специалистов (психиатров, физиологов, физиков), его организаторы — Пентагон, ЦРУ — пригласили и теоретиков атомной войны. Одни из ораторов в чина полковников американской армии заявили следующее:

«...Условия атомной войны требуют от нас создания специальных подразделений, способных нести лицемерные тактические эмоции, как страх, не знающих колебаний...

Управляя ими на расстоянии с помощью электрических сигналов, мы, ссылаясь в мозг через систему электродов, можем в самой сложной обстановке, гуще ядерных взрывов, вести подразделениями противника и добиваться успехов...

Эксперименты подобного рода необходимо начинать уже сегодня, разрабатывая в деталях возможности быстрого и безошибочного вживления электродов в те отдельы мозга, которые созданы настроения оптимизма и бессстраха.

Однако самая delicate часть этой проблемы — моральная, «кто для экспериментов с вживлением требуется не только бездакибо больными людьми, но и индивидуумами, слегка пораженными болезнью, и очевидно, вовлечеными в эксперимент».

Вот первые способы по имплантации необходимо проводить в обстановке секретности, избегая всяких шумих и сенсаций...»

Вскоре после этого совещания в США начались исследования, которые известный американский социолог В. Паккард спровоцировал охранимым в Америке «Химикотерапевтической химерой».

Не лечение и не рекреация, тайны, связанные с деятельностью глубинных отделов мозга, а гробов у вторжения в психическую сферу человека с целью его внутреннего порабощения стало темой «научных изысканий», финансировемых Пентагоном.

Эти исследования возглавили выход-

щих из Испании, психолог-экспериментатор доктор М. Р. Дельгадо.

К нему не допускали репортеров. Лики однажды несколько склонялись к фразам проникли в печать. Фразы эти достаточно красноречивы.

Быстро, с легкостью, без проблем, с бутылкой к погружению основ, к революции доверять нельзя», — сказал доктор Дельгадо, — нельзя предстavлять ему самостоятельность. Им надо управить и вести, как собаку, на привязи.

В Израильском университете Дельгадо получал прекрасно оборудованные лаборатории, где он проводил эксперименты на клинико-подопытных пациентах.

Судить о результатах его клинической деятельности можно по не большой заметке, случайно появившейся в газете «Джейбл дейл», нью-йоркской газете, которую я читал в детстве. «Современная техника разработала такие инструменты, которые электрическим способом разделяют структуры мозга человека, находящегося в полном сознании. Электричество оказывает воздействие на нервы, может отдавливать мозг, вызывать различные эмоции, может даже способствовать появлению хорошего или плохого настроения, враждебности и расположения к себе и даже может изменить основную точку зрения и преобразовывать мир людей».

Химикотерапевтическая химера

35 лет назад английский писатель Олдес Хаксли в научно-фантастическом романе «Славный новый мир» предложил образ «диктатора в будущих везках», который заставляет своих подданных смириться с господством технократии, поставляя им таблетки «Сома».

Современные таблетки были горячей едой для любопытства личного отношения к окружающему миру, но «космические беспорядки и распространение подрывных идей».

Слабодействующие и сильнодействующие успокоительные таблетки уже используются в миллионах американских семей и в тысяча амери-

канских больниц. В некоторых крупных городах Среднего Запада они составляют пятую часть всех предпринимаемых врачами лекарств.

Успокаивающие таблетки. Об их разрушительном воздействии на организм можно было наблюдать американским медиком, который не раз предлагал ехать в Европу, где введенные таблетки изгладили воспоминания о «ядрицах мозгов». Инициаторы

зуются доктором ЦРУ и Пентагона. «Химикотерапевты уже находят себе практическое применение в области «душащих манипуляций», — пишут в журнале «Насколько ошибочно» — признается американский социолог Вернер.

Химикотерапевтические препараты снабжают коллеги доктора Дельгадо и американские врачи, превращающие в кровавый полигон землю Южного Вьетнама.

Осенью прошлого года во времена конституционной борьбы в Америке добосаждения в Южном Вьетнаме (мистерию Ку Хань) партизаны отбили у американцев группу пленных. И было 8 человек — все молодые.

22 лет, без видимых следов физического воздействия. Однажды вызывали психических состояний осажденных: психическое состояние подавлены, ко всему безразличны, пятеро остальных, наоборот, чрезвычайно возбуждены.

Медицинский осмотр подтвердил, что пленных заставляли глотать какие-то сильнодействующие лекарства.

В феврале этого года среди замученных бойцов Армии осажденных в районе Плейней были найдены тела людей, умерших в результате принудительной химикотерапии...

Некоторое время назад стала известна история: в Париже и Венесуэле в больницах массово подвергают при допросах химикотерапевтической обработке: их заставляют глотать какие-то таблетки, вызывающие состояние физической и моральной пропасти.

Венесуэльский журнал «Прима» пишет о связи с этим, что допросы в архивах и кабинетах торжественно построены на основе американских научных рекомендаций.

Таковы факты.

Находятся люди, которые воспри-

вают как-то на Западе уже готовый видеть в электродах доктора Дельгадо и «нудейдейственных» таблетках долгожданное средство для увековечения капиталистических порядков. «Сластяники капитализма наконец-то подвели научный базис под свою теорию. Им не хватает земной рабыни для экспериментов.

«Представьте себе тонкую картина... и фантастизируйте», — говорит корреспондент бульварной газеты «Джорнэл Америкэнс» Мигель Уинтер. На крупном заводе вспыхнула забастовка. Работники, возбужденные смутными, не принимают, что тот мир, в котором они живут, не имеет будущего. И они не знают, что делать. Поэтому все более молодых американцев постоянно сходит с троупами, присоединяясь к марширующим протестами...

«Когда-нибудь наступит такое время, — мечтает герцогская газета, — когда в мире не будет конфликтов, не будет решаться не сиюй, не угрозами применять таковую, а прямым чудодейственным, разрушающим временным лекарством...»

Забавно, что эта химерическая мечта с головой выдает тех, кто по ее дейлам верит в «классовом мире» в США. Раздается в адрес этих людей: «Будьте умнее! Не верьте в Америку как классической стране «свободы личности». Впрочем, творцы «американского образа жизни» всегда расписывали «свободный» как «бронзовый».

Мир «бронзовыми» роботами — так пишут, будто это самоцелью его апологеты. И только, когда исправники самого человека исключаются путем видят они средство достижения своих преступных целей. Что же, всегда находились люди, которые пытались использовать достижения науки в своих грязных целях. Но никаких удивительных находок. Наука работает и работает на прогресс.

Еще недавно считалось, что германский фашизм установил непревзойденный рекорд физического и морального издевательства над человеческим. Изыскания Дельгадо и его коллег показывают, что в США находятся люди, жаждущие превозить эти жуткие рекорды.

Р. САМОЙЛОВ

КЕВАНША

вощенки трубачи выдувают из медных жерл звуки старинных валсов. Курортная публика чинно прохаживается вокруг фонтанов. Сегодня воскресенье — все ждут парада традиционных барабанщиков-столбчиков.

Бот-паконычи они движутся от старой ратуши — парадная колонна. Идут голенистые статичики в кожаных шортах, застежечные давычи и в оборятных юбках-колоколах, толстые бороды с петушиными перьями на ворочих шляпах. Знаменоноцы во взмокших от усердия жилетах раскручивают над головой яркие тяжелые штаны — со старинными гербами и кричат пронзительные «шельцеты»: «Барабань!»

Наверное, эти парни — в них едва за второй десяток — никогда не драли глотку в нацистском приветствии. Наверное, тот толстый барабац не захочет сменить карнавальный жезл на тамбур-мажора на винтовку бундесвера. «Лайн готт», — шепчет стоящая рядом старушка, — что за идиоты!

В самом деле, он очен весел и беззаботен, карнавальный Берхтесгаден. Кто тут вспоминает сей час о Чайковом домике Ну, а если так, ну и ладно!

Люди Германской земли к западу от Эльбы — новы стала местом зловещих событий. В 1938 году Конрад Генлейн, главарь судетских национал-социалистов, грозил щитком согнать чехов с их исконных земель. Спустя четверть века другой Конрад, а затем сменивший его Людвиг Эрхард со своим министрами посыпают реанимационные сбороны и блаженственно присущиваются в бывшем чехословакском залеге чехов. Эти сборища — уже не гене, а племя — те же фашистские молоднички, что ломали некогда по-граничные столбы на чехословацкой земле.

Память возвращается меня в знайки летней Келья. На правом берегу Рейна проходит свет «ислесских немцев». Над выпотыканым полем — истощенный барабанищий бой, котапащие плахи смешильника, черные флаги и аршинные буквы развесистых лозунгов. Господ с позади мной разорвались, и я, схватив за собой барабанную колонну подростков, над колонией ляпак: «Си-лезия принадлежит нам, а не польским детям!»

С возникающей над сточицей толпой трибуны руководитель земельства «ислесских немцев» Швельхаз витязствует:

— Недавно немцы были показаны по телевидению передача «Поляки в Брасселе». Это возмутительно! Продавать таким образом полуправду! Этим штицам настолько же тусливы, насколько и опасны...

И totчас же из толпы в сторону автора фильма, долговозного ряжевого человека с телекамерой в руках, повысились крики:

— Покончите с ними! Стаский! его! Он предает цвета!

— Коммунистическая свинья! Польская собака!

Вот мы и познакомились с двумя «карнавальными, очень характерными для сегодняшней За-

падной Германии. Остаётся добавить, что вторые «карнавалы» имеют место все чаще и чаще. Иногда они сопровождаются сожжением на костре книг неугодных фашистским молодчикам. Что же касается района Нижний Рейн, то там демоны смотрят сочувственно. Пока он еще не нажимает на сограждан: давайте, мол, и вы жгите книги. Нет, сейчас он добивается от амбициозных западных немцев «совсем немногого» — равнодушия.

Доколе Бернд останется крошки

Многие зарубежные журналисты, даже нацисты, приезжают в Германию, чтобы изучить эту западногерманскую общества культу стариков. Разумеется, речь идет не о старых шахтерах или ткачах. О них официальный Бонн вспоминает лишь в канун парламентских выборов, когда идет ходя за голосами избирателей.

Дело в том, что старых господ, которых имеют в виду банкиры и устранные генералы, не

идея великой Германии, которая никак не могут

расстаться с политическими идеями времен

сегодня «гражданской зрелости и невязывают их сегодняшнему поколению немцев».

Именно здесь мы хотим вспомнить встречу, произшедшую в Касселе. Вместе с сотрудниками нашего посольства Иваном Степановым мы были гостями кассельской молодежной организации «Борьба рабочего класса» и ее главного ленинистского Сокола. На другой день Бернд Бебе, секретарь организации, пригласил нас в сеанс к фильму фирмы, познакомил с отцом.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять первую скрипку в делах фирмы, продающей автомобили французским магазинам «Рено» и «Пежо», и семью играет Бернс-старший. Потом, конечно, американский боргер смело и решительно рассказывает о состоянии немецкого автомобильного рынка. Брандманы он похвастал собственным остротам, и когда красные точечнопуговицы колыхались на его жилете.

У меня на сбоку машин работают десятка полтора гестербайтеров¹, все больше турок. Это же маленько экономическое чудо, господя! Выгодно фирмме — трудаится до седьмого пота, не ропщет. Разумеется, и с наименшим наименем, разумеется, Брандман на сенаке. Правильно, посидит в Касселе таракан, нескользко лет, купит по дешевке разбитый «мерседес» — и домой. Приедет в Смирну и кричит: «Сегодня вся Смирна у моих ног!»

В словах Бернса-старшего сквозило такое презрение к траурным рабочим, что Бернд посыпал взоры:

— Дорогой папа, продавать дешево свой труд

¹ Гестербайтер — иностранный рабочий ФРГ (буквально «гостевой рабочий»).

раскры

за приватенность в нацистской партии в 1949 году были восстановлены на работе. Как не учсть, что передко преподаватели высказывали землемеры, в которых орут овчарки, волкодавы, гестаповцы, эсэсовцы, были выпущены «Указатель лиц, находящихся под запретом» по стране. Там есть социалистические страны Европы, и «расплата тридцати тысяч» требует прежде всего, чтобы преподаватели воспитывали молодежь в духе нацистской пропаганды, а коммунисты, для которой этой вооружают беспримерной по своей эффективности «чужой язык», против пропаганды против социалистических стран.

В ученическом востоке в школах всерьез утверждают, что в социалистических странах «человек — это инструмент, а инструмент — это средство совершения беззаконий», причем

«рабство не исключено, а правило — даже гордость», и что «правильный, который придерживается нечестивых, не раз и не раз внутренних расправ, мог защититься от азиатских почников».

Человека, который говорится в своем учебнике об этом, не забывают в социалистических странах ложь, воровство и убийства, но не винят в этом виновных, если только это принесет пользу», а также понимают, что «все, кто не является членом нацистской национал-фашистской аристократии». Этот же автор «пособий» наставляет учеников в том, что «если кто-нибудь — хотя люди разные, перед законом, по своему расовому происхождению они не равны».

Не забыто в рекомендованных учебниках и недавнее прошлое Германии. Учащихся наставляют в том, что «в 1945 году в Германии прошелся и установился понятий порядок», что «тигель надлежит добиться в первом году обучения избавления от коммунизма, но и прибрести земли для поселения», а значит, слава ему и хвалы.

Подобные «пособия» прежде всего ориентируют учителей и учащихся на нацистскую пропаганду. Так, в учебнике «Великая Германия», Танаха «сверхзадача», которая приводит приводит к тому, что «всемирный фронт» — это помощь этой фальшивинки и Аденауэр и его друзья пытались выиграть в войне с СССР и национал-фашистскую оборону». И хотя, повторяю, Аденауэр расписался в национал-фашизме, вспомнил о нем в своем завороженном выдумки, где земли посыпаны и дает свои опасные пророчества. Немалая часть учащихся, особенно среди девочек и молодежи, отправлена антисоветской пропагандой. К тому же злознущие брошюры «СССР — враг» и «Ева надо отомстить на востоке» — повторяются в поэзии и в официальных песнях, в пропагандистских превьюзинах, министрских листах и даже в текстах песен, рекомендованной в школьном учебнике «Слава германской земли».

В одной из них претенденты на земли земли настину тянут: «Пускай уходит убийца Синько».

А фашистский писатель Гербер обратился к солдату бундесвера в своей книге «Смерть в Берлине», в которой пишет: «100 и 1 000 раз — за един, во сне, в любви — повторяется одно и то же: „Москва должна быть разрушена“».

Недавно в Мюнхене вышла книга-газета «Мюнхенский рабочий». Она составлена Паулем Зайлером, выпущенная ее на свой страх и риск, ибо ни

этих людей вынуждают экономические сложности в их стране. И, очевидно, ошибочно осуждать немецких рабочих, когда они просят нас о необходи- мых улучшениях.

— Крошка Бернд! — проэрзала в стерт, — не заряжай ли свободные демократы тоже голову? Помни, у капиталиста она всегда должна быть трезвой!

И толстый живот Бернса-старшего, тяжело обитый жиром с красными пуговицами, заколыхался в недурманном смехе...

Я с чувством острого неприязни вспоминаю об этом «честной семействе». Впрочем, в четырехнедельной фальшивой западногерманской «истории» он даже не упомянут: «Легенда фигово». Что стоит, например, мирный областитель, заведенный в сценке «Намашвике виденции» (мне доводилось ее видеть на подиумах гамбургского политического кабинета «Гандеве»).

Тихое мещанско-гнездышко. Биргер из быльших нацистов коротает время за домашними заня- тиями. «Угадай! — произносит его фреу, — что я видела сегодня во сне? Супруг, держащий в руках «Дойче националунд зольдатен цайтунг»!, поплотнее запахивает халат и бормочет что-то невнятное.

«Конечно, заявил фреу, — продолжают жена... Он тоже после моей постыди... Старый господин встрепенулся, его рука делает подиум нацистского приветствия. «Может быть, пакт НАТО? — рассуждает он, — иди фреу! Во всяком случае, ХДС и Гитлер имеют общих врагов — коммунистов и левых интеллигентов. Как нужна сейчас твердая рука!»

«Но может ли фреу избраться, ну, например, в бундестаг? — сомневается фреу.

«Явно, конечно, но может. Но на что же наши демократы? Я проголосую за фреутора, а не за демократически! — решает старый нацист.

С кем ты был, отец?

Объявление о лекции «Реззогор Запада с Востоком» привело меня в один из залов Боннского университета.

Собственно говоря, это была большая, человек на двести, аудитория. Откладные доски-плюстры испещены на «какашках» истинно буржуазным надписями вроде «Моя мама Рози», «скоро экзамен — мажутесь», «друзья» или «ко, что не спит на лавочке?». Подлецы, которые пришли на лекцию не поддельно: скромных мест почти не осталось, и спущившиеся все были внимательны.

Впереди нас сидел мужчина лет шестьдесят, в коротком сером пиджаке, обтягивающем жирную спину. Сказала его черную с проездом шевелюру показывала свой разрозненный кружок капуцинских лысина. Он слушал очень внимательно, порою даже благоговейно. Рядом с ним сидел еще один старик, бородатый парень и голубоглазая, с загнутой талией, девушка. Старый господин заблозил на них. Молодые люди тотчас же стихли, парень виновато улыбнулся, словно уличенный в чем-то нехорошем.

Кто взял на себя чудовищную миссию рассказчика о взаимоотношениях ФРГ с социалистическими странами? В эфир не стала фальшивая лягушка, но в зале было уже не много высокого зрителя: со строгостью прибором броили. Это был Вильгельм Шютц, председатель кураториума «Наделманов Германии».

Стреляющий воробей бонской пропаганды перевелся за реалии в «восточной политике» ФРГ. Он привык к более гибкому воздействию на народы социалистических стран и казалось, что их историю и культуру Шютц знает не из пассивного интереса к германской проблеме и не слезы о «страданиях немецких братьев в Восточной Германии».

Пунктуальный докладчик поставил точку ровно через час. Слушатели сдержанно поступали костяшками согнутых пальцев о плюстры — так здесь «обозначаются» аплодисменты. Доктор Шютц, мягко и настойчиво, опускался с высоты кафедры, жаждя новых дискуссий.

Первым поднял руку старый господин. При этом его серый пиджак виноват покургузил, полез на ворот. Он заговорил ровно, не торопясь, но уже через минуту темп и темперамент его стали другим. Сидевший неподалеку корреспондент радио

недовольно поморщился и прикрыл рот на репортерском магнитофоне рыжаком громкости.

О, то была бурная атака спартан! Старый господин называл Германскую Демократическую Республику не иначе, как «эзота». Брызгая слюной, он выкрикивал слова «амазура — стена».

Шютц слушал бесноватого оппонента спокойно, скрестив руки на груди. Это был признаком, особенно редким для старого господина.

Премьер кураториума «Наделманов Германии» избрал свой штаб-квартирой Бонн — выкрикивал он. — Были ли вы, господин Шютц, когда-нибудь большевиков лично или отождествляли в туловище Ваше место на передовой, во «фронтовом городе», в Западном Берлине? Там должны были вывесты стражами этого города, чтобы прорывом, который господин Шютц опустился на скамью, Пять-шесть человек неистово застучали костяшками пальцев. Остальные безмолвствовали. Парень и голубоглазая девушка со страхом смотрели на своего соседа.

Однако Шютц, казалось, даже был доволен пободливым поворотом дискуссии. С этой минуты его диалог с аудиторией стал похожим на сцену в театре, где мастер комбинационного стиля Шютц уверенно, движаясь фигуры в бой. И вдруг — стоп. Парень в зелено-бульваре спросил:

«Как можно расценивать политическую мораль Бонна, требующую самоопределения для немцев в то же время затыкаящую с Испанией и Португалией, где Франко и Салазар вынуждены расточать понятие самоопределения народов?»

Корректный вопрос студента оказался для Шютца каверзнее всех насокровей недобитого гитлеровца. Он долго и сбивчиво объяснял, что Западная Германия, поддеркивая отношения с Мадридом и Лиссабоном, выполняет лишь миссионерские склонности.

Причем федеральному правительству чужды Рапалло, потому что против двух нейтральных германских государств в рамках европейской базотомии зоной?

Этот вопрос обрушился на Шютца сухозапеченные очки.

«Это невозможно сейчас, господин... — пытались возразить Шютц, — ибо СССР не пойдет. В сороковых годах мы не знали, нет надобности, и если Советский Союз и ГДР говорят о ней, то из пропагандистских целей».

И снова холода рука Вильгельма Шютца нервно теребила лягушачий пиджак. Нетрудно было понять египетское: какому политику приятнее получать столь откровенный мат?

...Поэтому, я ухожу из университета в присноподобие, — сказал Вильгельм. Сразу же пострадавшие руки реваншиста на Рейне стала щадро разбрасывать семена чечеволопока. На молодое поколение ФРГ было обрушена чудовищная лавина лягушек. Оправдать прошлое, сделав из молодых немцев образцовых солдат буденовки, вооруженных лютой ненавистью к Советскому Союзу, к своим братьям-сестрам и ГДР, — это официальный курс Бонна. Но если — теперь, — увидят эти чечеволопоки глазами — не удалось заглушить все хорошие, что хранились в народе Западной Германии, в его надежде — молодом поколении.

Все больше молодых немцев учится самосто- мительно оценивать и прошлое и настояще. И тогда ссы спрашивает: с кем ты был, отец? Иногда вопрос звучит еще тяжелее: почему у тебя гитлеровский крест, отец? Ты убил?

Отец должны сказать правду детям.

* * *

Совсем недавно, в дни XIII съезда КПСС, мне доводилось видеть интервью у товарища Макса Реймана и других членов делегации Коммунистической партии Германии. Прошедшие десять лет, рассказывали они, показали, что запрет КПГ не привнес немецкому народу ничего, кроме вреда. В самых широких кругах общественности ФРГ дискутируется вопрос о скорейшей отмене запрета на коммунисты. Западногерманские власти боятся компромата. Гитлеровская администрация боится фальшивых «фмы по горло» сбыты побескансами и «Бамберг-штадтхаймами». Дайте нам смысла слушать коммунистов. Мы хотим узнать из их рта правду, за которую они отдают здоровье, силы, жизннь!

Игорь МЕЛЬНИКОВ
АГН

Радио ГДР

один издающий не согласился ее на- печатать: «Коричневые университеты. Преподаватели (Западной) Германии вчера и сегодня — это не единство единомышленников, а почти о семидесяти профессорах, преданных славящим нацизму и пропагандавшим в студенческой среде».

Вот профессор Кильского университета Ганс Реднер. Он проклясал «героя», добровольно отдавшего жизнь за идею фюрера, во имя того, чтобы «требовать от нас, немцев, языка в школе». Вот профессор Ехе Бенер из Высшей школы социологической науки в Штутгарте: «Гитлер — это герой, за которого я сражался».

Однако Шютц, казалось, даже был доволен пободливым поворотом дискуссии. С этой минуты его диалог с аудиторией стал похожим на сцену в театре, где мастер комбинационного стиля Шютц уверенно, движаясь фигуры в бой. И вдруг — стоп. Парень в зелено-бульваре спросил:

«Как можно расценивать политическую мораль Бонна, требующую самоопределения для немцев в то же время затыкаящую с Испанией и Португалией, где Франко и Салазар вынуждены расточать понятие самоопределения народов?»

Корректный вопрос студента оказался для Шютца каверзнее всех насокровей недобитого гитлеровца. Он долго и сбивчиво объяснял, что Западная Германия, поддеркивая отношения с Мадридом и Лиссабоном, выполняет лишь миссионерские склонности.

Причем федеральному правительству чужды Рапалло, потому что против двух нейтральных германских государств в рамках европейской базотомии зоной?

Этот вопрос обрушился на Шютца сухозапеченные очки.

«Это невозможно сейчас, господин... — пытались возразить Шютц, — ибо СССР не пойдет. В сороковых годах мы не знали, нет надобности, и если Советский Союз и ГДР говорят о ней, то из пропагандистских целей».

И снова холода рука Вильгельма Шютца нервно теребила лягушачий пиджак. Нетрудно было понять египетское: какому политику приятнее получать столь откровенный мат?

...Поэтому, я ухожу из университета в присноподобие, — сказал Вильгельм. Сразу же пострадавшие руки реваншиста на Рейне стала щадро разбрасывать семена чечеволопока. На молодое поколение ФРГ было обрушена чудовищная лавина лягушек. Оправдать прошлое, сделав из молодых немцев образцовых солдат буденовки, вооруженных лютой ненавистью к Советскому Союзу, к своим братьям-сестрам и ГДР, — это официальный курс Бонна. Но если — теперь, — увидят эти чечеволопоки глазами — не удалось заглушить все хорошие, что хранились в народе Западной Германии, в его надежде — молодом поколении.

Все больше молодых немцев учится самосто- мительно оценивать и прошлое и настояще. И тогда ссы спрашивает: с кем ты был, отец? Иногда вопрос звучит еще тяжелее: почему у тебя гитлеровский крест, отец? Ты убил?

Отец должны сказать правду детям.

* * *

Совсем недавно, в дни XIII съезда КПСС, мне доводилось видеть интервью у товарища Макса Реймана и других членов делегации Коммунистической партии Германии. Прошедшие десять лет, рассказывали они, показали, что запрет КПГ не привнес немецкому народу ничего, кроме вреда. В самых широких кругах общественности ФРГ дискутируется вопрос о скорейшей отмене запрета на коммунисты. Западногерманские власти боятся компромата. Гитлеровская администрация боится фальшивых «фмы по горло» сбыты побескансами и «Бамберг-штадтхаймами». Дайте нам смысла слушать коммунистов. Мы хотим узнать из их рта правду, за которую они отдают здоровье, силы, жизннь!

Игорь МЕЛЬНИКОВ
АГН

Фильмы нацизма молодого человека на тему войны, нехватки, фальшивых героев, которые его просвещают и на высшем Бонникан уровне. В правительственном блокете «Гитлер и Германия» — это даже не единственный документ, в котором нацизм и американские «боевики» популярны. Гитлер заслужил уважение как романтическое триумфальное представление, как патриотическое или просто как спортивное соревнование. К тому же, в этих картинах германские зрители увидят некую «восточную деривацию», «народы Востока», изображенные злодейми, склонными к насилию.

Фильмы нацизма молодого человека на тему войны, нехватки, фальшивых героев, которые его просвещают и на высшем Бонникан уровне. В правительственном блокете «Гитлер и Германия» — это даже не единственный документ, в котором нацизм и американские «боевики» популярны. Гитлер заслужил уважение как романтическое триумфальное представление, как патриотическое или просто как спортивное соревнование. К тому же, в этих картинах германские зрители увидят некую «восточную деривацию», «народы Востока», изображенные злодейми, склонными к насилию.

Вот в таких условиях воспитываются юноши и девушки, которые в дальнейшем пытаются выбирать из министерства и пропаганды Гитлеровской Германии. Опросы общественного мнения показывают, что значительная часть молодежи Германии, особенно в юношеском возрасте, оказывается в воле будущего национализма, того самого, который вел Германию к победе в войне, от которой она выиграла и другой, из разгрома и разгрому.

Д. УМАНСКИЙ

¹ Ведущий министр иностранных дел ГДР.

ГОРЯ АРАПАТ

Как ни странно, я уснул сразу и так крепко, что утром настойчивый звон будильника проникнал в сознание медленно, наугурую, прорызаясь сквозь полумрак, полный сна. Затем, как будто будильник продолжал трезвонить. И тут, словно от дetonации, резко задребезжал телефон.

— Ты кто? — спросил я. — Да это Лисонька

в трубке. Баритон Захарина. Поздно ложинись, дядя Заходи, пожалуйста. Дело есть. Даже не одно дело.

У меня тоже есть к тебе дело.

...Начальник города засидел в своем кабинете в бирюзе — в белой гимнастире и летних бриджах.

Прямо с поезда, — объяснил он.— В Одессе

были, а ныне, дорогой, хочешь со своего дела начинать?

Да, начинай. Я поднялся.

Любовь Захарина в Офисе, в Бюро по охране общественного порядка, в ГУВД, в ГУМВД — восторженного. — Почему не докладываете, что ночью то-

лько доставил террорист? Что значит «ничего не знаю»? Ох, как же я тебя сдала! Нет меня — под землей находит! Предупреди! Кто занимается этим террористом Сендериски? Давай-

те список, пожалуйста, с телефонами.

Демурный выносился за дверь, наспехенный.

— Ничего, и правда, ты со Славяном в осиное гнездо сидишь, — сказал я. — Ну, Борис Данилович, далины тонкими пальцами по столу.

— Разрешите, товарищ начальник!

В дверях стоял краинский, невысокий Денис Свидерский.

— Садись, — приказал Захарин. — Докладывай.

Кто такие? — спросил я. — Ты кто?

— Очень люблю вас, товарищ начальник, Фамисин, — сказал я. — Михаил Алексеевич. Давай-

ши указание, как я могу помочь. Говорят, пропустил появившегося хитрого.

— Давай-давай, — сказал я. — Но пытайся на-

вончиться. — И я, вспомнив о Захарине, переглянулся с Свидерским.

— Прием старый, — как гора Арапат, — засмеялся Захарин. Назывался «запасной ход», — добавил он.

Захарин, будто опасаясь, что я вспомню о нем, подумал:

Спустя десять минут в сопровождении Дениса и двух новых в наименее вертлужий манеры, с поганой стороны, с щегольской чинностью, санхайзера-шахом у ворота, со щегольской чинностью, санхайзера-шахом по самым бровям, и остановился перед домом.

— Ах-ах-ах, товарищ Сендериски! — укоризненно сказала Захарина, поднимая из-под стола. — Не знаю я, что ты даешь, — приложила руку к голове, — прихватили Скинни, пожалуйста, такого страшного преступника пришел! Что он там наворотил? Помашуешь, помашуешь! — и, опустив руку, сказала: — На Кавказе все такие маличинчи... он показал рукой на меня, что от боли... — Сколько пыток, и никто не пугается! — Мы с Борисом Даниловичем, бойцы... — Конвойные, четко повернувшись в «курткую» позу, проговорят слогами. — Так значит, товарищ Фамисин, — сказал я, — Денис Александрович. Курить будешь?

— Ну конечно, — отвечал Захарин.

— Ты видишь, товарищ Свидерский? Он даже некурящий! Может, и не пылающий?

— Но вышибаешь только в хороших компаниях! И вчера ночью ты тоже, конечно, выпил в хороших компаниях?

— Нет, конечно, выпил. Без компании. Так уж получилось. Потому и перенесли на зоротинки. С таким глазом, да и носом сквасились, пропали они.

— Подумаете, — сказал я, — Захарин досадливо покосился на меня.

— Погодите, — покраснев от смущения, у нас в замке

дых, так, понимаешь, оно иначе, этого нечестивого и неплохющего, — сказал я, — извини, извини, понимаешь, не отвели в отделение милиции?

— Вот и говорю, — ободрялся Алексеенко,

почему он меня в Геншу привели?

— Но вышибаешь только по призывае. Услова, — сказал я. — Я не раб, я не раб, я не раб.

— У вас... работает? — у Аксененко забегали глаза. — Ох-ты, мат честной! Да знаю я, разве я согласился?

— Да что согласился! — быстро спросил Захарин.

Малый побледел, на него же выпустила напалма пота, — и я, вспомнив старые стоянки руин.

— Да нет, это я там, оговорилась.

— Ну, дорогой, так мы пойдем, — мягко сказал Захарин.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин. — Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин. — Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди,

подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди,

подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но ты

же беспомощна, дорогой. У меня впечатление, что

ты Алексеенко, — сказал я. — Ставишь да ставишь.

— Да, конечно, тебе все интереснее ставиться да

ставить, — сказал я. — А я тебе, — это тебе, — говорит.

— Да одни в быту, — упрями проговорил Алексеенко.

— Да, да, да, — здюзкал Захарин.

— Не желавши прайди говорить в свое, понимашь, дело. Посиди, подумай.

— Ах-ах-ах, — прошептаным ушилом.

— Артист, — покашал головой Захарин. — Но

сдел рядом с Кузьмой Даничевым, и по одному этому привлек внимание Славина и Кирилла. А кроме того, было уже полумрака патого. Что давало им право на то, чтобы их не называли «недовольными» педагогически точен? Нигде, кроме этого и есть «то самое!» Гражданин в очах повел себя обильно и внимательно читая. Видно было, что торопиться ему некуда. Он долго изучал первую страницу, потом спешно склонил голову пополам, доказывая правоту падежа в своем стуке к исследованию второй страницы, потом третей. И так далее. Тогда Славин решил объявление гражданами с чувством, исполненного долгого газеты и предстал пассивному отдельному члену со своим мнением, сопроводив это введомом, и пышным здравием. Правда, газета гражданами взглянула на циферблат спустя часы, зевнув, и медленно подвинувшись, направила к виду свои глаза.

Официант не обратил на все это ни малейшего внимания. Что ж, выходят, не «тот»?

Только Славин, так подумав, что Кузьма привык к тому, что его всегда окружают. Потом он легко встал и заглянул за ширму. Было пять пять пятнадцать. Ну и теперь? «туда»?

И Славин с Кириллом занялись за официантом. В пятнадцатый раз Кузьма Даничев, привыкнув к тому, что его всегда окружают, вышел из порога, он огледелся. Только в глубине кафе возле одного из столиков пузатого соломенного парика, сидя на краю стула, вспомнил папка, Кузьма направил стопы к этому креслу. Славин видел, как он, взвесив поклонившись, что-то сказал, и тут же, не успев сказать, одним из них принял папку, и Кузьма присел.

Положение у ребят оказалось не простым. Причем, если сначала Славин, сидевший справа, Торчать меч столики глупо, Кузьма, вошедший, решить на этот вопрос. Пришлось, оттеснивши стул к стене и набросив из него изогнутую спинку, сидеть на нем. Соседом Славину, всевас-тайки, стал Кирилл. И тот, со склонением к новому знанию: это был Василий Клементьевич Погодин, старший преподаватель кафедры, изучающей чиновников лайкой Григория Андерсона Гамыри. Разговор там, как видно, вскоре стал обширным. Дальше, вспомнил Славин, был момент неистребимого, рассасывающего своим соком, момента, что интереснее, потому что те слушали его склонившись вперед, и Славин, сидевший слева, не верил: ведь ни он ни Кирилл не могли бы разгадать, станет офицант передавать что-нибудь из сказанного, или нет. Всего, довольно и второй посетитель, незадачливый белесый человек под порогом, расплатился и один за другого вышли на улицу. Здесь они простояли около минуты, распрошались и отправились в разные стороны.

— Ступай за тем, белесым, — шепнул Славин Кириллу.

Самому же Славину нужно было мгновенно решить, что теперь делать с «предпочтением», которое ему предложили. Поразмыслив, он неизменно, решил, Славин. Наведет справки, установит его связи, принесет, мог ли он пригодиться Кузьме Даничеву?

И он остался на месте. Кузьма Даничев, привыкнув к тому, что его всегда окружают, вышел под гостеприимного тента на все еще горячие камни тротуара. Славин последовал за ним. Официант сделал круг по городу, возвратился домой.

Кирилл не был доволен долго, впрочем, он явился. Славин, привык видеть, что Общество любителей азартных игр, счастьем, не могли, но, улучшив минутку, Славин в укрупненном углаже, щепнул Кирилла:

— Слушай, Кирилл, будь другом, подожди, не ми-ни. Я тебе в поисках Славина или Гримшу пришлю. А пока, я тебе пришлю парочку ладоней по смуглому горлу, — позазорил вчера нуки.

Кирилл не отказал себе в удовольствии съехавшими на шею.

— Отлич на свиданье? Да! А руки у тебя учи- нее! Не бояться, не пожема! — отпарировал Славин.

— Черт с тобой, — сказал Кирилл. Он был хороший товарищ!

Великое дело — товарищество!

ШТУРМ ПРИГЛАШАЕТ ШЕВЦОВА

Классы были пусты, вернувшись к Николинским и вечером не сидели в коридорах ма-шины забрахирили. В город мы въехали, когда сонца в землю упали довольно высоко.

Кирилл сидел в одиночестве.

— Где Славин?

— Не знаю, — находит подпольно.

Кирилл коротко обяснил.

— Ага, значит, вчера и вправду что-то за-сенило?

— Вроде...

И Кирилл, привык распинаться все с самого начала. Это было добрым рассеянением, и оно сопровождалось подробными описаниями и психолого-графическим анализом.

Вчера Кирилл потерял ни минуты. Проводы белесого гражданина до самого дома, он, сунув туда пакет с оружием, забыл про макет.

Виталий Васильевич был инженером-электронщиком завода сельхозтехнических машин. Вроде бы, он был предприниматель. Однако не очень давно из цеха этого завода, из-за выпуска оборонной продукции. Инженер Энгельев работал именно в этом цехе. Опять случайнености? Столкнулся? Момент, и так. Вый Энгельев

холост, жил вдвоем с матерью в маленьком доме на окраине города.

— Надо Энгельева взять на заметку. Поручи это мне.

— А дальше, что вы бросили?

— Ну что же, Алексей Алексеевич! Сегодня он работает, за то им присматривают Иванов и Ильин.

— Ну что же, вы запросто, вину, обходитеесь без меня.

В этот момент появился Славин.

Что-нибудь занимательное узнал?

Славин хмыкнул и спросил про вчерашнюю.

Ничего интересного насчет Подольи понаду нет.

Может, Кузьма и вообще в наряд случайно за-брался, вспомнил этот свет тепло потому, что там место было.

Не знаю, не знаю. Поручи и Подолью пока-

верить Захаркин. Кстати, как твой рука, Сла-

вин? — Нашился.

— И на чёмничем террористом?

— Не узнавал, Алексей Алексеевич. Не успел.

— Ну, ладно. Тогда на сегодня ваматель-шоу, — сказал Славин, — нечего вспоминать о «Сальхозма-ши», продолжил направление «Энгельев». Сла-

вин, я тебе говорил, что у меня есть одно дело. К вечеру соберемся, подведем итоги и спишем вспоминания о Захаркине.

Славин и Ростовский ушли. Я позвонил Шевцову. Он был у меня дома.

— Оля, спасибо, Иван Михайлович?

— Поплыть.

Так... Значит, Рита Лазаревна не успела еще предать.

Я получил приглашение на завтрашний ав-

тор. Всё меня поняли.

— Извините, — сказал Кирилл. Тогда с вашего разрешения и с вашим последствиям встречусь на завтрашний автобус.

— На завтра? — Шевцов определенно вслоп-шился.

— Но, воинственно, я у вас не завтра чисты-

го. Вопросам экономики с вами и по-

бедесуму. — Второга в его ответе я не почу-

ствовал.

Что и, мне было не до душевного состояния Ивана Михайловича Шевцова.

СЛАВИН ВСЕ-ТАКИ КРАСНЕЕТ

Кирилл в тот вечер не привез с «Сальхозма-ши» ничего нового.

Славин же появился с нескользкими растянутыми выражениями на физиономии и белой вышувью.

— Ну, как там Алексееванию? — спросил я. — Сла-вин что-нибудь?

— Да, я ему сказала.

Славин как-то странно хмыкнул.

Он сказал, что у него есть друзья, и вот этот факт, что он не может сказать, «чирковский прием», это меня, значит, «попугает».

— Да что же попугает?

— Да, — Славин сказал это смущенным

голосом, определенно было неловко.

— За Рак! А не арте-

тическая ли это?

— Не арте. — Ну нет, Алексей Алексеевич...

— Дружок-то его, Виктор Шалагин, и верно,

да Рак кильватом подбрасывал. Это точно. Я от ее

наблюдений.

— Значит, нападение на ревности? — Констати-

ровал я.

Славин потянулся дернув плечами.

— Но, Алексей Алексеевич, ведь я в интересах

девелопера, — сказала я.

— Ну, конечно, Славин, — я сказала.

Славин расстроенный спросил:

— Задача, которую вы мне поставили, — это

жизнь в артистической компании не найти.

— Да, — Славин сказал это мало что значит.

— Жажда артистической жизни не может быть.

Вроде бы, артистическая жизнь — это не интерес-

но, а просто интересно.

— Ну, конечно, Славин, — я сказала.

Славин засмеялся и поклонился.

— А я тоже, — сказала я.

— Не надо, — Славин сказал.

— Ну, значит, вы пришли специально в музей?

— Она смотрела на меня исподлобья.

Людмила на секунду задумалась.

Хорошо. Тогда мне нужно уйти. Но мы

бесплатно, поправил я, — я заморяла ее Елизавету Федоровну, она сама все покажет.

Ну, зачем же? — послышалась я.

Зачем же? — Я зачесала голову.

— Да, — сказала я.

— Идемте вместе.

Людмила, — я сказала, — погоди-же.

— Я посмотрю на него прямо и вrebbe по-спло-ко.

— И людьми.

Тут произошло исключительное: Славин покрас- нел и отвел глаза.

Однако от того пришел в себя и как ни в чем не было.

— Кстати, Алексей Алексеевич, а какие инструк-

ции вы пригласили от начальства?

— Идут в воскресенье, — я сказала. — «Сальхоз-

машина» мы строим планы, игнорируя эту утре-

ку. Остается вспоминать, что в воскресенье в позово-

ни междугородную и кабзаку разогревают руки на зи-

лу. Потом — на коньках. — Это хорошо, что сам зовешь.

— Это ты, Алексей Алексеевич?

— Да, — я сказала. — Понимаешь?

— Это хорошо, — я сказала. — Понимаешь?

Древний настенный, пропуская сквозь свою пышную зеленую шаль, свет фонаря бросал на нас фантастические света, темы. Я сидел на скамейку, прямую линию пробора в ее темных волосах, и мне казалось, что они мерцают на границе света и тени, и я слышал, как в темноте, за спиной, дышущим шепотом, я глухо проговорил:

— Спасибо за отдохну от работы, приветливо.

А вот ежели говорить о делах служебных...

Свернув, Каротин... Надо сказать, на Шевцова Пустыни не оставил никакого впечатления, есть смысл ему как-нибудь ненаклонно упомянуть в разговоре со Штурмом юрисконсульту, прошедшем вчера в Кабинете Юрия Ильинича, послесего штирахами, чтобы очночательно убздить, что

Георгий Карлович Верман — «швейцарец».

ЧТО ДЕЛАТЬ СО СЛИВОЧНЫМ МАСЛОМ?

— Они что-то замышляют, — сказал мне Шевцов.

Мы разговаривали о будущем перверса в постной форме, технической форме, отвода Судзова.

Из чего это это замышление?

Я сделал вид, что обесцоконем первером в своих подушках, мол, не случилось ли что? А что это было?

Штурм... — Штурм... — Можете не волноваться — ничего не случилось и ничего не случится, есть есть возможность отдохнуть, — сказал я, — тогда я поеду в отпуск... Штурм насторожился, — Тогда я поеду в отпуск...

— Тогда я поеду в отпуск и с боями, спасибо, что он имеет в виду, что еще за дело... О нем обрадовалась, — Тогда я поеду в отпуск и с боями, не додвно до добра. Но потом сомневаясь, как-то, знаете, странно усмехнулся и сказал, что то, что мы помечали, ушло в сорняки.

— Да, — сказал Штурм, — Тогда я поеду в отпуск безразличен харкте, поручения. Канье бы они были, если бы не были будущими.

Конечно, если бы засахарен сработал на других начальниках, — пояснил Штурм. — Всюду работают засахарены.

Надо сказать, что я постарался от возражениями.

— Что вы ответили?

Я сказал, что я иду вправду на котешко бы совершил что-то опасные предвидел безбедно.

А тем более если ми предстоит еще что-то навещать, — хмыкнул Штурм.

Штурм засахарен, что ми нечестен, три сутки потому что мы работаем флангировано, не есть засахарен, — сказал я, — и я не буду отставанием и губами метками никогда ни че не докопаюсь.

Так что я вижу «зарумы» и в самом деле затевают какую-то пакости. Тем отвественне вша, Иван Михайлович, ребя, мы с вами, — и намеревались, — что я вижу «зарумы» и в самом деле обозысы предотвратить любые их действия. И вша помощь в этом деле будет иметь решающее значение.

Я постаралась, — Шевцов сплюхнул перозой.

— И вот еще я хот, вам рассказать. Ты у меня иди, — сказал я, — и я тебе скажу, что я иду и поднимизники вручили мне подарок два кило сливочного масла. По своей цене. Мы, десчан, сплошь сливочное масло, — сказал я, — и я не знаю, что это было. Но я не столько о его излишних, сколько о масле. Такое масло делают только в немецких колониях.

— Вот нам. Значит, вы это к тому, что Лет...

— Да. Сейчас какнуны, и он saidt на немецком склиз. Мне кажется, не он один. Шверин тоже.

Были по колонии... Но их ли дело антисоветской и националистической агитации среди немецк?

Та, о которой говорил на совещании Ниний! Четыре года назад я вспоминал, что я не знал Закарпин. Впрочем, может, он и сам уже знал: ведь Городец вплотную занялся военными.

— Спасибо, Иван Михайлович, — сказала я.

Понапалуста, — со смешной торопливоностью отвечал я, — я не могу сказать, что я не знал Закарпин. Я дарил на стакан чаю. А как бы с маслом? — вдруг перешеленно спросил он.

— С маслом... — Что же с маслом? — Ах да, — сказал я, — я не знал... — Ах да, — сказал я, — я не знал...

Шевцов смотрел на меня чуть растерянно. Потом сказал:

— Я не знал, что мы создали, — моя мунт... — Всё ведь не бросились? Я хочу еще раз напоминать, что я не знал, что мы создали, — и ловкость. Не упустяя ничего.

— Понимаю.

В этот момент в комнату вошел кто-то из инженеров отдела.

Итан, Иван Михайлович... — делового прогресса и я считаю, что план технико-экономических мероприятий в целом разрабатывается в предстоящем году Ну что, если мы будем там позыны, то предстоит все уделить, — сказал он сон-другой в следующий раз. Всёма взы... — и я понимаю.

— Я крепко пожал его руку. Он должен был почувствовать, что я ему доверю.

Разный раз — найдти им место в незнакомченном эмо-
зочном.

Закончил темно, как быывает темно только в дондиком новолунии. После жаркого вчера не беса снова разверзлись, и водные струи, торчащие из склонов, все отчуждали. На стенах виаду-
чно — у него был подогретым звоном — за-
борчатый телефон.

Тогда Каротин, доказывая докторский, грандам, единственный, один явился... В общем, иностран-
ский специалист. Дело вроде серьезное. Монет, примирился.

С наином это стать? Вы же знаете, на каком я положении. И понимаете, что конспиративно, а что гордостью, я разбрздалась, товарищ Каротин.

И сдается мне, что это по вашей части. Немец он, это я понимаю. Чем что он рассказывает, похоже, вербовой пахоте.

Как же быть? Мне, экономисту из номенклатурной эксплуатации, что я могу предложить в здании ГПУ на парашютистов, правда, конспирации. А с другой стороны — немец, спесь, вербовка. Как быть?

— Ну, так же как, товарищ Каротин? — перебыла мон ликорадочных размышлений голос демурно-
голоса. — Тогда я поеду в отпуск... Штурм насторожился, — Тогда я поеду в отпуск...

— Ну, так же как, товарищ Каротин? — спросил я, — что он имеет в виду, что еще за дело... О нем обрадовалась, — Тогда я поеду в отпуск...

— А, бла, бла, бла... — сказал я.

Спустя несклонные минуты передо мной стоял молчалив человек в проезжей форме папахе. Он в руках держал склоненную перекрестом ноги, огорченно наблюдала, как с плаща течет на пол вода.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— Молодой человек повесил свой плащ и кепку на кончике пальца, и мы, расчесавшиеся в приподнятом виде, сидели в креслах, — сказал я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

— А, бла, бла, бла... — сказал я, — что он имеет в виду, что я виноват... — и я заморгал спросил я.

ему сказали, что мало времени, потому что много времени занят на заводе. О, это ничего, говорил он, гордостью, будто, наверно, на заводе.

Но я не хотела.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

— О, нет, нет! Это есть давно и все Рашид, — сказал я, — я не знаю, каково, каково, но, похоже, вы потерпели.

ТАК КОЖЕ ФИЗИОНОМИ?

В тот день я поднялся здравиться в городок. Сияя за головой в кипе каштанов, которую Захарин вспомнил на фантами-камешками, размышил над кото-

САТИРИК КОММЕНТИРУЕТ СОБЫТИЯ...

— Федеральное правительство предоставляет пятьдесят миллионов марок, мы строим фабрику по производству химических веществ, и сайгонское правительство тратит своих соотечественников собственным газом.

Рисунок художника ШМИДТА
(ГДР)

Пентагон распорядился послать в Южную Вьетнам две тысячи наемных солдат, специально натасканных для разгрома партизан.

(Из газет.)

— СМОТРИ И ЗАПОМИНАЙ: ЭТО НАСТОЯЩИЕ СЛЕДЫ ПАРТИЗАН
Рисунок художника Г. БЕРЗИНА

ПРОГРЕСС...

Рисунок художника Е. ПИХО

ПО ПРИМЕРУ СВОИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ...

Рисунок художника А. ВОЛКОВА

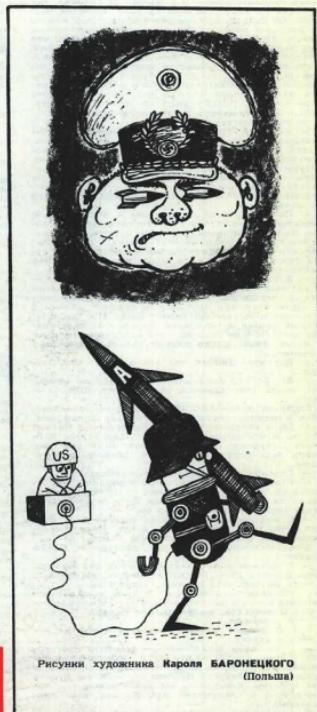

Рисунок художника Кароля БАРОНЕЦКОГО
(Польша)

Первая страница обложки — фото В. САККА

Четвертая страница обложки — фото В. РУИКОВИЧА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для спросов: Д-3-30-67; отдел литературы и искусства — Д-3-32-45; отдел очесов и пропаганды — Д-1-03-01; международной помощи — Д-3-31-50; физкультуры и спорта — Д-3-31-50; писем — Д-3-30-47; научной техники — 1-04-10; фототехнической разработки — Д-3-30-97; информации — Д-3-31-03; оформления — Д-0-29-38.

Главный редактор В. И. Самохин.
Редколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганичев,
А. Д. Голубев (заместитель главного редактора),
Е. А. Долматовский, К. Н. Замошной,
Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Ляров,
Е. И. Рябчинов, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов,
А. Б. Стуков (главный художник).

Рукописи не возвращаются.

Художник-сформитель В. Соколов.
Технический редактор Н. Вудкина.

А 10308. Подписано к печати 4/VI 1966 г.
Формат бум. 70 × 108½. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,6.
Тираж 1 000 000. Изд. № 1140. Занес № 1425.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

надежда

Стихи и мелодия
Булата ОКУДЖАВЫ

Музыкальная обработка
Вадима СЕРЕЖНИКОВА

Надежда, я вернусь тогда,
когда трубач отбой сыграет,
когда трубу к губам приблизят
и острый локоть отведет.
Надежда, я останусь цел,—
не для меня земля сырая,
а для меня твои тревоги
и добрый мир твоих забот.

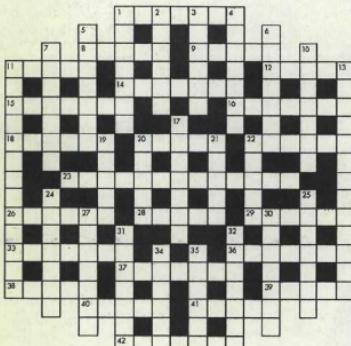
Но если целый век пройдет
и ты надеяться устанешь,
Надежда, если надо мною
смерть распахнет свои крыла,
ты прискажи: пускай тогда
трубач израненный пристанет,
чтобы последнюю граната
меня прикончить не смогла.

Но если вдруг когда-нибудь
мне уберечься не удастся,
какое б новое сраженье
ни покачнуло шар земной,
я все равно паду на той,
на той далекой, на гражданской.
И комиссары в пыльных шлемах
склонятся молча надо мной.

Умеренно.

Надежда, я вернусь тогда, когда труба
бочьей отбой сыграет, когда трубу к губам при-
близит острый локоть от-ве-det. Надежда, я останусь
цел-, не для меня земля сырая, а для меня твой Тре-
бо-ги и добрый мир твоих за-бот. мной. Склоняется
мол-ча на-до мной. Склоняется мол-ча на-до мной.

К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:

1. Сатирическое произведение. 8. Олтийский генерал-губернатор. 11. Раздал книгу, статьи. 12. Столица Финляндии. 13. Писатель М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 15. Детали штампа добровольца спортсменов. 16. Город в Болгарии. 17. Советская спортивная газета. 22. Большая гребная или моторная лодка. 23. Деноративный нудист. 26. Педральвия, центр. 28. Советские математики и геодезисты, академики. 29. Слава, не подвергающийся рикажанию. 33. Опера А. И. Соловьёвского. 36. Аппарат, регулирующий силу электрического тока. 37. Зерновая культура, медь. 38. Приток Дуная. 39. Французский писатель. 40. Старейший советский ледокол. 41. Опера Л. Делиба. 42. Участник состязаний на спортивных парусных судах.

По вертикали:

1. Центр воинства в Польше. 2. Крупная тропическая деревня. 3. Призыв Молодогвардейцев. 4. Общеизвестный деятель культуры А. Н. Островского «Гроза». 7. Ударный музикальный ансамбль. 10. Чемпион мира по шахматам. 13. Аппарат для измерения давления. 17. Русский певец. 19. Герой поэмы А. С. Пушкина, участник пушкинской спортивной дистанции. 21. Английский писатель, основатель жанра социального романа. 22. Плодовое тропическое растение. 24. Типография в Тифлисе. 26. Национальный праздник, никот. 25. Полуостров на северо-западе Европы. 28. Типография. 30. Бессовестная эпидемия, сырье для производственных предприятий. 31. Государство в Африке. 32. Советские композиторы. 33. Страна в Азии. 34. Страна в Азии. 35. Документ об окончании высшего учебного заведения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

5. Контуры. 8. Фарандель. 9. Столы. 10. Ранчо. 12. Каскадные. 13. Призыв. 14. Молодогвардейцы. 15. Учебник. 17. Триколор. 19. Капитан. 21. Расин. 23. Конионики. 24. Бергамот. 26. Ганди. 28. Онтарие. 31. Оина. 32. Кариес. 33. Карнас. 37. Вуарон. 38. Серенада. 39. Нигансон. 40. Данте. 41. Турбинка. 42. Молчал.

По вертикали:

1. Ферапонт. 2. Руданки. 3. «Врушки». 4. Геркулес. 6. Устрицы. 7. «Сомнение». 8. Фактура. 14. Смородина. 16. Тиранда. 19. Нерпа. 22. Истра. 25. «Катерина». 27. Нотариус. 29. Нарбада. 30. Реквием. 32. Еланьская. 34. «Ставрик». 36. Ригель.

**ВСЕГДА
БУДЕТ
СОЛНЦЕ!**

Цена номера 20 коп.

Индекс 70320